

EverEnding Story

ШАГ В БЕЗМОЛВИЕ

Элина Лисовская
Мария Роше

18+

EverEnding Story

Элина Лисовская
Шаг в Безмолвие

«Автор»

2018

Лисовская Э.

Шаг в Безмолвие / Э. Лисовская — «Автор»,
2018 — (EverEnding Story)

«Вы с лучшей подругой едете в отпуск? Что ж, новость первая: вы не те, кем привыкли себя считать. Новость вторая: в мире, где ваш истинный дом, вас все еще любят и ждут. И новость третья: вы никогда туда не вернетесь. Но можете попытаться. Это будет даже забавно. Для начала потеряйте-ка память и возродитесь в одной из древних цивилизаций, где мужчины правили миром, а участь женщин была незавидна. И попробуйте не умереть... а если повезет – остановите надвигающуюся войну. И тогда я подумаю, что с вами делать дальше... С наилучшими пожеланиями, Безмолвие». Первый роман цикла «EverEnding Story».

© Лисовская Э., 2018

© Автор, 2018

Содержание

ШАГ В БЕЗМОЛВИЕ	5
Часть первая. День Странника	5
Часть вторая. Дар Тривии	27
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Элина Лисовская, Мария Роше

Шаг в Безмолвие

ШАГ В БЕЗМОЛВИЕ

Часть первая. День Странника

Основано на реальных событиях.

Ну, почти...

Август 2015. Бавария, трасса E533 к юго-западу от Мюнхена

Солнце уже садилось, но от его слепящих лучей не спасали ни тонированное лобовое стекло, ни защитный козырек.

– Достань мои тёмные очки, пожалуйста, – не отрывая взгляда от дороги, попросила Элина. – В бардачке посмотри.

– Эти? – Мария вытащила чехол и передала подруге. Сидящая за рулем эффектная брюнетка надела очки и облегчённо вздохнула:

– Ну вот, совсем другое дело. А то сажу, как сова...

– Почему как? – хмыкнула Мари. Элина проигнорировала подкол, и блондинка тут же сменила тему: – Кстати, мы до сих пор не решили, где будем ужинать.

– Посмотри на карте. Я не помню, что у нас там по пути. Эти немецкие названия совершенно не держатся в голове.

– Аналогично, – отозвалась Мари, разворачивая карту. – Так. Кофе мы пили в Зиндельсдорфе. Потом – Мюлек. Мы его недавно проехали...

Некоторое время она сосредоточенно изучала путеводитель.

– Слушай, Лин, до мотеля в Гросвайле еще слишком долго. Даже по такой хорошей дороге только к ночи доедем. А я, между прочим, жутко голодная.

– Заправки по пути какие-нибудь есть?

– Ты меня спрашиваешь? Откуда я знаю!

– А посмотреть по карте? Не поверишь, но они там обозначены.

– Правда? Хм... в самом деле, какие-то голубые квадратики. Ближайшая в пяти километрах от нас. Примерно.

– Ну вот, там и поедем, а заодно покормим нашу «шкодину». – Элина немного увеличила скорость. Шины мягко шуршали по идеально ровной дороге, тёплый ветер влетал в открытые окна, нёс с собой запах листвы и лугов.

– Красиво здесь, – Мария смотрела по сторонам. – Черт возьми, когда-то я мечтала приехать сюда. А теперь...

– А теперь приехала. Что не так?

– Если честно, я ничего не чувствую. Нет, все эти природные красоты, музеи и замки – оно, конечно... но...

– Ты просто устала, – улыбнулась Элина. – У меня тоже никаких особенных ощущений, но подумай сама: при всей нашей занятости нам удалось вырвать целых три недели отдыха! Три недели – никакой работы, никаких семейных хлопот, впереди – масса новых впечатлений, городков, дорог... Чего еще не хватает?

Тёмно-синяя Škoda Rapid свернула на стоянку возле заправки. Две её пассажирки – молодые женщины на вид лет тридцати – вышли из машины и направились в кафе, где сели за столик и кое-как с помощью разговорника сделали заказ.

– Чего не хватает? – задумчиво протянула Мари, изучая содержимое своей тарелки. – Пожалуй, хороших приключений.

– Да ну, – Элина сделала несколько глотков холодной минералки. – Может, я состарилась раньше времени, но, когда слышу о приключениях, с ужасом думаю: только их не хватало!

Она рассмеялась, правда, не слишком весело. Потом посмотрела на часы:

– Давай-ка не будем засиживаться. Не хотелось бы ночевать на улице: в провинциальных городках мест в мотелях мало, а разбирают их быстро.

Они расплатились, дозаправили машину и продолжили путь. Поля сменились рощицами, те, в свою очередь, лесом. Солнце уже почти скрылось, шоссе, и без того не особо загруженное, практически опустело.

– Мари, сколько там было от заправки до нашего городка? Вокруг темнеет, а указателей как не было, так и нет.

– Судя по карте, Гросвайль вот-вот появится. И почти сразу на въезде должен находиться мотель. Три звезды: туалет, душ и койка.

– Что еще нужно усталым путникам? – усмехнулась Элина, краем глаза следя за пальцем подруги, движущимся по карте. Дорога от заправочной станции была прямая, захочешь – не собьёшься. И всё же где-то в глубине души у неё возникло ощущение, что они едут не туда.

– Лично я предпочитаю пять звёзд, – мечтательно вздохнула Мария. – Ко всему вышеперечисленному – еда и мальчики по вызову.

– Ну у тебя и запросы!

Прошло еще минут двадцать, но никаких признаков городка так и не появилось. На небо всё увереннее забиралась луна.

– Провалился он сквозь землю, что ли? – Элина нахмурилась. И почти тут же в свет фар попал стандартный дорожный знак «Гостиница или мотель». Следовало повернуть налево.

– Разве с шоссе есть повороты? – она сбавила скорость и посмотрела на подругу.

– Вроде нет. Но карта прошлогодняя. Возможно, построили новый мотель и проложили к нему дорогу.

– Всё может быть.

– Сдается мне, приключения начинаются, – хмыкнула Мари.

– Ну да. Сейчас на дорогу выйдет Рутгер Хауэр, пряча за спиной окровавленный нож, и попросится к нам в попутчики. Но нас спасёт невесть откуда взявшийся Брюс Уиллис и будет нам счастье.

– Брюса нафиг, он старый и лысый. Пусть будет Джош Холлоуэй или, на худой конец, Орlando Блум...

Мари вздрогнула и замолчала, потому что внезапно в машине зазвонил телефон. Постепенно нарастая, играла знакомая мелодия песни «Город, которого нет».

– Ты поменяла звонок? – удивилась она.

– Это не мой телефон!

– Да? Тогда почему он звонит из твоей сумки?

– Из мо...

– Поворот! – В свете фар справа появилась узкая лесная дорога. Скорее, даже просека, но проложенная с воистину немецкой аккуратностью.

Элина повернула руль так резко, что машину едва не занесло. Хорошо, что скорость была небольшой, иначе дело закончилось бы аварией.

– Ты с ума сошла?! – возмутилась Мария. – И ответь ты на этот чёртов звонок!

Брюнетка остановила машину и дрожащими руками принялась рыться в сумочке. Вытащив мобильник, нажала нужную кнопку, но мелодия продолжила звучать как ни в чем не бывало. Тогда, поколебавшись, Элина включила громкую связь.

– Алло! Я слушаю! – Голос её сорвался, и она откашлялась. – Алло!

Телефон замолчал, только когда доиграл припев. Элина нажала на кнопку меню, и экран вспыхнул желтоватым светом. Несколько мгновений она разглядывала список звонков, а потом неожиданно расхохоталась.

– И что это было? – насторожилась Мари.

Вместо ответа Элина сунула телефон подруге под нос. Последний вызов был принят два дня назад, как раз когда они пересекали границу.

– Если мелодия у тебя записана, то ничего удивительного, – пожалала плечами Мария. – Телефон старый, кнопочный, а ты вечно забываешь его заблокировать. И воспроизведение как-то само включилось.

– Знаешь, что самое интересное? – Элина отпустила сцепление, трогаясь с места. – Эта мелодия была записана в телефоне. Очень давно. Потом надоела, и я её удалила. Стёрла из памяти. И в перечне сигналов её просто не может быть.

– Значит, я права: приключения начинаются, – Мария задумчиво разглядывала окрестности. – Помнишь нашу первую опубликованную повесть, наше эпохальное «Заклятье горного духа»? – Она рассмеялась и процитировала: – «В горах сгушались сумерки. Одинокий «Кадиллак»...» Чёрт, я уже забыла, как там дальше.

– Ну, допустим, у нас далеко не «Кадиллак», а вокруг не горы.

– Это мелочи. Сама посуди: ни этого мотеля, ни дороги на карте нет. Уже интересно. «Остаться в живых», седьмой сезон, первая серия. Сейчас мы выясним, что отсюда невозможно дозвониться домой, и на нас из кустов выскочит белый медведь...

– Нет уж, спасибо, не надо никаких медведей, – буркнула Элина. – Полагаю, программа удаления файлов в телефоне дала сбой. Всякое бывает. Давай не будем сразу же искать в этом мистику.

Она сосредоточилась на дороге. Через некоторое время появился еще один знак поворота налево, и вскоре просека вывела их на вполне приличное шоссе. Элина глубоко вздохнула и снова остановила машину.

– Что стоим, кого ждём? – поинтересовалась Мари.

– Это и правда удивительно. Я... готова поклясться, что здесь совсем недавно шёл дождь, – молодая женщина оглядела пустынное шоссе и осторожно открыла дверцу. Тут же, словно по команде, среди деревьев вдоль обочины начали загораться медово-жёлтые огни фонарей. Некоторое время Элина удивлённо смотрела на них, на дорогу, уходящую вверх на холм, на небо, а затем присела и потрогала ладонью асфальт.

– Я была права: он мокрый! – её тихий смех как-то очень странно прозвучал в звенящей тишине, и Мари показалось, что всё вокруг прислушивается к нему.

– И что с того? Дождь прошёл, нас не задел, и слава богу. Садись за руль, поехали к этому треклятому мотелю. Или давай я поведу.

– Нет. Я поведу сама, – голос Элины остался таким же тихим, но в нём появились несвойственные ей интонации. – Ты заметила, что это шоссе не похоже на дорогу, по которой часто ездят?

– Хм. Кто-то недавно предлагал сразу же не искать в этом мистику.

Некоторое время они ехали молча. Дорога вела всё выше и выше.

– Посмотри направо, Мари. Там сейчас будет зелёная изгородь. Кустарник средней высоты с мелкими, плотными, словно лакированными листочками.

Что-то в словах Элины заставило Марию без возражений повернуться к окну. Действительно, изгородь. Точно такая, как описывала подруга.

– Ого, – протянула блондинка, разглядывая увиденное. – Слушай, Лин, что-то мне это абсолютно не нравится. Начитавшись и насмотревшись всякого про перемещения в параллельные миры, я поняла, что обычно ничего хорошего из этого не получается. Например, люди думают, что пережили авиакатастрофу и спокойно живут на острове, а на самом деле вместе с самолетом лежат мёртвые на дне океана. Или, допустим, сейчас... мы едем по неизвестному шоссе неизвестно куда, а на самом деле ты просто заснула за рулём, и мы тихо лежим в кювете, а наши тела пожирает пламя.

– Предлагаешь вернуться и проверить, не стоят ли на дороге «скорые» с мигалками? – поинтересовалась Элина. – И вообще, не могли же мы заснуть обе разом. Сдаётся мне, кому-то надо меньше смотреть телесериалы.

– Я просто пытаюсь найти логическое объяснение происходящему. Например, откуда ты знала про дождь и лакированные листочки?

– Какая разница, Мари? Мои ощущения говорят, что мы живы. Едва ли мёртвые хотят в туалет.

– О, мёртвые еще не то умеют! Сдаётся мне, кому-то надо чаще смотреть сериалы, а также читать мистическую фантастику.

– Отвяжись ты со своими сериалами! Лучше смотри вперёд. Если я права, то дорога сейчас прекратит подниматься и мы увидим ворота. Массивные, двойные, в виде пик, соединенных орнаментом. А за ними – огромный парк.

Шоссе перестало уходить вверх, подъём сменился ровной широкой площадкой, залитой тёплым светом всё тех же фонарей, и они в самом деле увидели высокие кованые ворота. Элина остановила машину, вышла из неё, оперлась на капот, а потом вдруг, схватившись за горло, бросилась в ближайšie кусты.

Через пару минут она вернулась оттуда, вытираясь салфеткой.

– Прощай, ужин... Ну что, по-моему, самое убедительное доказательство того, что мы живы, тебе не кажется?

– Не кажется, – Мария выбралась из машины и огляделась. – Я смотрела «Некрономикон», «Lost» и «Спуск», а также читала «За гранью разума» Саймака. Тем, кто умирает или находится в коме, может казаться, что они думают, едят, пьют, водят машину, радуются, плачут и даже занимаются сексом. Впрочем, не суть. Меня интересует другое: откуда ты знала про изгородь и ворота? Видела раньше во сне?

– Не во сне. Просто видела. И тебе рассказывала, но ты, похоже, забыла.

– Ошибаешься, – возразила Мари. – Просто мне казалось, что это был просто сон. Мне тоже порой снится всякое...

– Нет, – покачала головой подруга. – Я часто видела это место, но не во сне. И не совсем наяву... скорее, внутренним взором.

Элина подошла к воротам, потрогала их, подёргала.

– Заперто. И ни вывесок, ни хозяев, бегущих навстречу, даже таблички «Частная собственность» нет. А-а-а, вот! – она просунула руку сквозь прутья решётки, нажала на кнопку, и ворота со скрипом приоткрылись.

– Мне страшно, Мари, – призналась Элина. – Хотя что-то подсказывает, что страх сейчас – непозволительная роскошь. Или глупость. Но я никогда не думала, что смогу найти это место... при жизни. – Она вернулась за руль. – Садись. Попробуем напроситься на ночлег.

– А стоит ли?

– Я ужасная трусиха, дорогая, но больше всего боюсь, что второго шанса у нас не будет.

Ворота закрылись, едва машина въехала внутрь. Элина свернула на бетонную дорогу, ведущую к одноэтажному зданию, обсаженному цветущими кустами.

– Это гараж. Но он, кажется, заперт.

– Попробуй своим ключом открыть, – с усмешкой предложила Мари. Но, вместо того чтобы возразить, Элина отправилась к гаражу и вскоре уже ставила машину внутрь.

– Надеюсь, нас не задержат за взлом и проникновение.

– А есть кому задерживать? – Мария закинула на плечо спортивную сумку. – Здесь вообще, кроме нас, кто-нибудь есть?.. Ладно-ладно, постараюсь быть оптимисткой. Допустим, мы не умерли. Просто в кафе съели что-то не то и теперь ловим глюки. Так лучше? Впрочем, чего гадать? Сейчас возьмем и проверим.

Она достала из кармана джинсов мобильник, проверила наличие сети и попыталась поймать местное радио. Если верить индикатору, приём был отличным. Радио долго отвечало шипением, затем из динамиков полилась незнакомая, но приятная классическая мелодия.

Элина не принимала участия в исследованиях подруги. Её больше интересовал парк. Огромный, старый, кое-где откровенно запущенный, он был освещён только в некоторых местах.

– Знаешь, почему здесь так темно? – тихо проговорила она. – Потому что тайны не любят яркий свет. И неизвестно, куда мы попадем, гуляя по этим дорожкам.

Мари не ответила, пытаясь найти радиоволну с новостями.

– Здесь очень славный воздух. Чувствуешь? Запах такой... ну... пахнет дождём, мокрыми листьями, скошенной душистой травой, хотя её и не косили... хвоей и свежестью. И еще ванилью, цветами и вареньем... вишнёвым, по-моему.

– Короче, как летом в лесу после дождя, – перебила её Мари. – Я хочу поймать какое-нибудь нормальное радио, чтобы выяснить, на каком языке говорят в Зазеркалье. Если окажется, что на китайском, у нас будут проблемы.

– В обычном лесу не пахнет вишнёвым вареньем. Что касается языка, полагаю, проблем не будет. – Элина уверенно зашагала по дорожке. – Идём. Там, в глубине парка должен стоять старый дом.

– И почему твоё воображение не отправило нас на море? – Мария вздохнула и убрала телефон. – Были бы это мои видения – мы бы шли сейчас по белому песку гавайского пляжа и улыбались полураздетым красавцам.

Бетонная дорожка быстро сменилась мощеной, затем превратилась в лесную тропинку, и вскоре они вышли к дому, стоящему под углом к тропе. Дом был огромным, старым, но очень крепким, и прямо-таки источал аромат тайн. Окна скрывали плотные ставни, на крыше чуть подёргивался флюгер в виде кошачьей фигурки.

Элина в нерешительности остановилась.

– Я знаю этот дом снаружи. Сейчас мы выйдем к парадному входу. Там необычная лестница: две ступеньки, площадка, пять ступенек, площадка, и еще три ступеньки. Я могу сказать, где отколота щепка и где облезла краска, но... проблема в том, Мари, что в своих видениях мне ни разу не удалось зайти внутрь.

Подруги обогнули дом. Кусты и деревья возле входа были аккуратно подстрижены, дорожки посыпаны белым песком.

– Странно, правда? Получается, кто-то присматривает за домом. Значит, здесь должны быть люди, – Элина огляделась.

– Если ты вдруг окажешься хозяйкой или наследницей этого теремка, я, пожалуй, представлюсь, – усмехнулась Мари. – Может, попробуешь зайти?

Элина не ответила. Постояла какое-то время возле крыльца, словно собираясь с силами, и медленно пошла вверх по ступеням. Её ладонь легла на перила так уверенно, словно она спускалась и поднималась по этой лестнице каждый день по несколько раз.

– Закрыто, – огорчённо и одновременно с облегчением выдохнула молодая женщина, подёргав за ручку.

Они попробовали открыть замок всеми имеющимися у них ключами, но ничего не вышло. Дверь не поддавалась.

– Что будем делать?

– Есть два варианта, – задумчиво проговорила Мари. – Первый: мы возвращаемся и пробуем отыскать чёртов мотель, пока окончательно не стемнело. Второй: мы продолжаем обследовать парк... и находим приключений на свои задницы. Даже не знаю, какой вариант мне нравится больше. А тебе?

Элина молча смотрела по сторонам. Внезапно её осенило:

– Вспомнила! Где-то рядом должен быть еще один домик.

Она схватила сумку и, сбежав по ступеням, устремилась вперёд по одной из дорожек. Довольно скоро та вновь превратилась в лесную тропу, деревья сомкнулись плотнее, и вдруг они увидели мелькнувшее между ними яркое пламя костра.

Мария остановилась.

– Там кто-то есть, – прошептала она.

– Может, подойдём и посмотрим? – так же шёпотом предложила Элина.

– Это костёр, а не Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата. Сам по себе он гореть не может, рядом должен быть кто-то, подкладывающий дрова или хворост – уж не знаю, что именно там так весело горит. Но, скажу честно, мне совсем не хочется встречаться с теми, кто здесь живёт.

– Тем не менее, мы это сделаем, – Элина направилась к поляне, стараясь ступать как можно тише. Мария немного подумала и последовала за ней.

– Это ты тоже видела в своих... хм... видениях?

– Нет, – еле слышно ответила Элина. И неожиданно замерла.

– Они изменились, – донёсся до девушек глубокий выразительный мужской голос, услышав который, Мари ощутила лёгкий укол в сердце. – Подсознательно они помнят, на что были способны, но человеческий ум не позволяет им верить в чудеса и тогда их души наполняются страхом. Это так глупо, особенно если бояться нечего. Разве страшно после долгого отсутствия вернуться домой?

– Они слабые. Они больше не верят в себя. – Второй голос был мягкий, немного тягучий и не понятно, мужской или женский. – Теперь они всего-навсего люди...

– Тсс! – неожиданно перебил его собеседник. – Ты не поверишь, но нам пора.

Сквозь ветви Мария успела заметить мелькнувший на фоне костра силуэт высокого мужчины. В следующий миг незнакомец сделал шаг в сторону и исчез в темноте.

– А вот и первые говорящие глюки, – негромко усмехнулась она. – Очень мило. Ты что-нибудь поняла из их разговора?

– Этот голос, – прошептала Элина. – Он... кажется мне таким знакомым.

Подруги осторожно вышли на поляну, где, негромко потрескивая, догорал костёр.

– Глюки, говоришь? – Элина показала Марии примятую траву с застрявшими в ней ключами чёрного пуха. А потом коснулась рукой деревянного чурбачка рядом с примятой: – Тёплый.

– Похоже, на нём сидел прекрасный герой эротических снов, а рядом на траве возлежала огромная кошка. – Мария скрестила руки на груди. – Я-то ожидала увидеть благообразного старичка в белом одеянии, который ласково пожурит нас за бездарно прожитую жизнь и, по доброте душевной, предложит начать всё сначала.

– На тебя не угодишь, – фыркнула Элина. – Кстати, вон там, на краю поляны спит кошка. Или кот. Чёрно-белый, стандартного размера. Правда, чтобы примять траву на таком участке, надо штук десять таких котов, но это уже мелочи.

– Кот, да не тот. Те двое, если ты успела заметить, ушли, – отозвалась Мари.

Элина подошла ближе.

Услышав её шаги, кот приоткрыл один глаз и сел. Сладко зевнул и с тихим мурканьем поспешил к женщине. Обнюхал протянутую руку, потерся о ноги и требовательно замяукал, выгнув спину. Элина наклонилась и почесала его за ухом:

– Здравствуй. Ты голодный, наверное, да?

Кот отбежал в сторону, встал посреди тропинки и призывно замяукал.

– Кажется, он хочет, чтобы мы пошли за ним. Тоже мне... реинкарнация Белого Кролика! – усмехнулась Мария.

– Полагаю, всё гораздо проще: он привык есть из миски и предлагает покормить его в доме. Насколько я помню, именно в той стороне должен находиться маленький дом для гостей.

Кот, не оборачиваясь, трусил по тропинке, подруги не спеша шли следом. Вскоре они действительно увидели небольшой двухэтажный домик.

– Красивый, – Элина оглядела кружево искусной резьбы, украшавшей наличники и перила. Кот забежал на крыльцо, поскрёб лапой дверь. Никто не открыл. Тогда он потёрся о косяк и просительно замурлыкал. Элина покосилась на Марию, поднялась по ступенькам, нажала на ручку. С тихим щелчком дверь открылась, и кот прошмыгнул внутрь.

– Я подожду здесь, – Мари села на верхнюю ступеньку и вытащила из сумки бутылку с водой. – Если найдешь что-нибудь интересное – позови.

– Предлагаю зайти в дом и переночевать, – Элина спокойно зашла внутрь и включила свет. Чисто убранная прихожая, коврик у дверей. Небольшой холл с выложенным плиткой камином. Слева – какая-то комната, справа – маленькая кухня. Деревянная лестница вела на второй этаж.

– «Слишком здесь красиво. Жди беды», – процитировала Мари, оглядывая с порога всё это великолепие. – Насчёт беды не знаю, но мне почему-то немного не по себе. – Она закрыла дверь на щеколду и на всякий случай подёрнула: надёжно ли заперто.

– Хочешь совет? Расслабься, – Элина деловито обыскала шкафы на кухне, нашла пакет кошачьего корма и высыпала горсть в миску. Кот с аппетитом набросился на еду. – От нас сейчас мало что зависит. Будем плыть по течению и смотреть, куда оно нас вынесет.

– Мудрая мысль, – согласилась Мари. – Но неужели тебе не хочется разобраться в том, что с нами произошло и происходит прямо сейчас?

– Нет. Не хочу ни о чём думать. Хочу выпить горячего чая, умыться и лечь спать.

После недолгих поисков были найдены чашки, коробка с чаем и целый пакет растворимого кофе. Электрический чайник быстро вскипятил воду. В ящике кухонного стола Мария обнаружила нетронутую упаковку имбирного печенья.

– Нет, ну должно же быть этому разумное объяснение! – не выдержала она. – Допустим, мы случайно попали на частную территорию... в коттеджный поселок для отдыха, где по какой-то причине не установлена сигнализация... и завтра утром получим по шее за то, что вторглись...

– Хватит, прошу! – оборвала её Элина. – Мы же договорились: сегодня никаких обсуждений.

Мари только вздохнула и придвинула к себе чашку. У чая был лёгкий лимонный привкус. В сочетании с имбирём – прекрасное средство от усталости и тревоги.

После молчаливого чаепития они вымыли посуду, вернули всё на свои места, а потом перебрались с вещами в комнату. Расходиться по разным спальням не хотелось, но внизу оказалась только одна кровать и, увы, не настолько широкая, чтобы на ней можно было уместиться вдвоём.

– Ладно, спокойной ночи, – Элина взяла свою сумку и отправилась наверх. Через какое-то время там хлопнула дверь, затем над головой Марии послышались шаги. Минут через десять всё стихло.

Несмотря на усталость, Мари не спешила ложиться. Она сидела на краю кровати, глядя то в окно, то на намывающегося в лежанке кота. На какой-то миг он прервал своё занятие и пристально посмотрел на неё внимательными ярко-жёлтыми глазами. Затем моргнул и продолжил вылизываться. Мария подавила зевок и заставила себя пойти в ванную. Там она долго стояла под душем, словно пыталась смыть что-то еще, кроме усталости, а потом, завернувшись в полотенце, подошла к зеркалу, чтобы подсушить волосы. И застыла на месте, как зачарованная, глядя на запотевшую поверхность, где проступили размашисто написанные слова:

«С возвращением!»

Утро принесло с собой солнечные лучи, пляшущие по стенам, и звонкий птичий щебет. Еще не прогретый воздух был приятно прохладным и свежим. Элина вышла на крыльцо и тихо рассмеялась от переполнявшей её радости и давно забытого чувства лёгкости, беззаботности. Чуть погодя она вернулась в дом, прошла на кухню. Кот незамедлительно выбрался из лежанки и направился к миске.

– Кто же о тебе заботится, если здесь никого нет? – пробормотала Элина, наблюдая, как он уплетает корм. Само собой, ответа не последовало. Молодая женщина вздохнула и занялась приготовлением кофе.

– Что тебе снилось? – Мария вышла из своей комнаты в одной футболке, как обычно, сонная и растрёпанная. – Мне – ничего, хотя на новом месте часто снится что-то забавное.

– И мне ничего. Но я наконец-то выпалась, – Элина потянулась. – В холодильнике есть сок, сыр и масло. Кофе будешь?

– Наверное, – Мари подошла к окну. – В Зазеркалье наступило утро. Это радует. Я боялась, что ночь будет вечной... Какие у нас планы?

– Я бы не хотела пока уезжать отсюда. Нас же никто не гонит. Предлагаю позавтракать, погулять по парку. Может, и в дом попасть получится.

– А как же наша поездка? У нас впереди Бавария, Австрия. Ты уже не хочешь увидеть Альпы? – поинтересовалась Мария. – Мне жаль напоминать, но в Зальцбурге нас ждёт оплаченный номер в отеле. Нельзя отклоняться от графика. Отдохнули немного – и в путь.

– Я не предлагаю остаться здесь до конца отпуска! – Элина нервно прошла по кухне. – Неужели ты не понимаешь, Мари? Я даже не надеялась, что однажды смогу побывать здесь. И ты хочешь, чтобы я вот так просто взяла и уехала? А потом остаток жизни потратила на то, чтобы снова попасть сюда?

– Я всё понимаю, Лин. Но не могу понять одного, – Мария задумчиво посмотрела на подругу. – Зачем? Объясни, для чего мы здесь?

– Не знаю. Но очень хотела бы это узнать.

Когда после завтрака Мария вернулась в комнату, то увидела на кровати букет свежесрезанных цветов. Как будто кто-то забросил его в раскрытое окно.

– Ого... А как насчет того, чтобы зайти в гости? – хмыкнула она, медленно озираясь. – Или вы умеете только красиво рассуждать о природе человеческой трусости? Еще неизвестно, кто сейчас больше боится: мы или вы. Наверное, страшно даже подумать о том, что мы уедем отсюда, так ничего не вспомнив и не поняв.

Ответа не было. Только слабый ветерок колыхал почти невесомый тюль.

Мария закрыла глаза и прислушалась к внутренним ощущениям. В голове клубились какие-то мысли... обрывки фраз, которые непременно хотелось высказать. Хотя непонятно, откуда они взялись и какое имеют отношение к ней.

– Ты тоже струсил, – неожиданно прошептала она. – Поэтому и потерял...

Мари испуганно зажала рот ладонью. Слова вырвались против воли – откуда-то из неизведанных глубин подсознания.

Она отпрянула от окна и задёрнула занавеску.

Через пару минут к ней заглянула Элина.

– Пойдём погуляем? – предложила она, но, увидев цветы, замолчала. После долгой паузы усмехнулась: – Забавно.

– Ничего забавного, – отмахнулась Мария. – Тебе тоже что-то подбросили?

– Нет.

– Хм. И что это может означать?

– Понятия не имею, – честно призналась Элина. – Да, я видела это место, но совершенно не знаю его законов. Может, тут так положено: с утра по букету каждому скептику и зануде. Для улучшения настроения.

– Иди ты, – фыркнула Мария. А потом рассмеялась: – Будем считать, что сработало. Пошли гулять, раз уж мы никуда не торопимся.

Они бродили около двух или трёх часов – то по ухоженным дорожкам мимо аккуратно подстриженных кустов, то по тропинкам среди замшелых валунов и елей, то вдоль извилистых ручьёв, то под деревьями, окутанными розовато-белыми облаками соцветий. Но не обнаружили ни других домов, ни людей, ни говорящих галлюцинаций.

– Я устала и проголодалась, – наконец сообщила Мария. – Сколько можно ходить? Уже ноги отваливаются.

– Да и, похоже, напрасно всё это, – вздохнула Элина. – Не хватало еще заблудиться. Идём назад.

Марии показалось, что она разочарована.

Тропинка вилась серой лентой, уходя всё ниже и ниже к подножию небольшого холма. Спускаться по ней было легко. Но вот сквозь птичий пересвист и шум листвы до них долетели отголоски весёлой мелодии, а немного позже – людской смех и говор. Подруги переглянулись.

– Похоже на народное гулянье или праздник, – Мария прислушалась и усмехнулась: – Баварские колбаски, пиво и брецели... Вот и конец приключению: возвращаемся из Зазеркалья в цивилизованный мир.

– Конец? Ты уверена? – Элина посмотрела на неё. – Давай проверим.

Чем ближе они подходили, тем громче играла музыка. Уже были видны развешенные на деревьях бумажные гирлянды, цветные ленты и яркие воздушные шары. Ветер колыхал шёлковые полоски, раскачивал подвески из искусственных цветов, перекачивал по траве серпантин и сердечки-конфетти. Пахло ванилью, карамелью и розами. Они вышли на огромную поляну и огляделись: здесь царила самая настоящая праздничная атмосфера... но праздника не было. Потому что все палатки, скамейки и столики были пусты. Ни одного человека. Никого. Слабые отзвуки смеха и голосов растворились в оглушающей, неуместно задорной мелодии.

– Чёрт знает что такое! – озадаченно пробормотала Мария. – В свете происходящего версия о том, что мы очоурились, уже не кажется столь абсурдной.

– Что ты говоришь? – подруга повернулась к ней. Взгляд Элины был настолько растерянным, что Мария, подойдя ближе, крепко взяла её за руку:

– Не волнуйся, мы обязательно во всём разберемся. Вместе. Как и всегда...

– Я тебя не слышу! – Элина поморщилась, а потом подняла голову и требовательно крикнула: – А ну, тихо!

Музыка смолкла. Повисла тишина, только ветер продолжал шелестеть листвой и гирляндами. Пару минут подруги стояли, глядя по сторонам и слушая, как громко стучит пульс в висках. И понимали, что по-настоящему страшно им было вовсе не ночью.

– Итак, – обратилась Мария к молчаливо застывшим деревьям, – дорога привела нас сюда, и вот мы здесь. Но почему именно мы? Эти видения, сны... откуда они? И самый главный вопрос: что вообще происходит?

Тёплый ветер ласково взъерошил ей волосы.

– Сегодня День Странника, – услышали они откуда-то сзади. И медленно обернулись.

К ним направлялся высокий стройный мужчина в изящном белом костюме и в белой надвинутой на лоб шляпе. Двигался он грациозно и бесшумно, как кот, и через несколько мгновений остановился перед подругами.

– В канун дня Странника границы между мирами становятся зыбкими, поэтому шансы попасть за грань есть даже у самого заурядного человека. Что уж говорить о тех, кто имеет огромный опыт подобных перемещений... хотя и лишился своих способностей, – он с лёгким поклоном снял шляпу. Длинные тёмные волосы упали ему на плечи, а с удивительно красивого лица на девушек глянули синие смеющиеся глаза. Мария ничего не ответила, только растерянно переступила с ноги на ногу. Элина замерла, даже дыхание перехватило – настолько знакомым вдруг показался ей этот незнакомец. А он в шутливом изумлении приподнял брови и вопросительно взглянул на подруг. Потом понимающе улыбнулся:

– Прислушайтесь к себе. Ваши сердца намного мудрее разума. И тогда вы узнаете, зачем отправились в путь.

– Эээ... мы знаем, зачем, – возразила Мария. – Посмотреть новые города и страны, отдохнуть от работы, от семьи, от привычной, наскучившей обстановки.

– Верно, – кивнул незнакомец. – Но эти причины – внешние. Попробуйте заглянуть глубже в себя и честно ответить: почему вы на самом деле так стремились уехать? Чего вы искали? Или – кого?

Мария опустила глаза и задумалась. Элина же более внимательно оглядела всё вокруг. Её внимание привлекли видневшиеся вдали над верхушками деревьев горные пики.

– Это Альпы? – спросила она.

– Нет, – ответил мужчина. – Это Наргельм, Полуночные горы. Их прозвали так из-за цвета: скальная порода там чёрная с вкраплениями минералов – как будто по ночному небу рассыпаны звёзды.

– Любопытно. Тогда, может, скажете, как называется эта планета, континент, страна? Полагаю, то, что светит и греет, по-прежнему является Солнцем?

– Давайте пройдемся, – предложил незнакомец. – Есть вещи, которые лучше обсуждать, гуляя по этому великолепному парку. Отвечаю на ваш вопрос: да, это Земля, над нами сияет Солнце, вечером на его месте появляется Луна. Зачем изобретать велосипед? – Мужчина рассмеялся.

– Ну, мало ли... А страна? Или в параллельном мире не принято делить территорию на страны? – вынырнув из задумчивости, уточнила Мария. Она чувствовала себя немного странно: с одной стороны, от мягкого бархатного голоса незнакомца у неё вдоль позвоночника пробежала приятная дрожь, с другой – что-то настораживало... нет, удерживало на расстоянии. Несмотря на всю её любовь к красивым мужчинам.

– Наверное, принято, только никто не заморачивается, – он пожал плечами. – Какой в этом смысл, если можно попасть куда угодно.

– Я всё еще не понимаю, – Мария наморщила лоб. – Может, начнем с самого начала: кто вы такой?

– Не делай так. Тебе не идёт, – незнакомец кончиком указательного пальца разгладил ей складку между бровями, и Мари убедилась, что он не говорящая галлюцинация, а обычный живой человек. – Я, – лицо его стало грустным, – судя по всему, тот, кого вы не узнали. Что ж, этого стоило ожидать. Рэй меня предупредил.

– Рэй? – встрепенулась Элина. В памяти на мгновение возник смутный образ: высокий, широкоплечий, волосы цвета золота...

– Мой друг, – пояснил незнакомец. – Полагаю, его вы тоже не помните.

Втроём они медленно шли по тропинке мимо холма. Элина то и дело оглядывалась, поэтому немного отстала.

– Это ваш дом стоит там, в саду? – спросила Мария.

– Здесь много домов. Какой именно тебя интересует?

– Большой, старый... – Она объяснила подробнее. – Странно, что мы сумели поставить машину в гараж, но не смогли открыть входную дверь. Пришлось остановиться в домике по соседству.

– А-а-а, – протянул незнакомец. – Видишь ли, этот дом принадлежит твоей подруге Линн и моему другу Рэю. Они вместе создали его – своего рода место встреч и отдыха. Мы часто бывали у них в гостях... Впрочем, едва ли ты это помнишь. Проблема в том, что вы так сильно изменили свою природу... точнее, изменили ей, что дом этот сейчас для вас недоступен. Так бывает. Но зато вы не заблудились и нашли жилье для гостей.

– Во многом благодаря коту, – хмыкнула она.

– Бастиан – опытный Провожатый и прекрасно справился со своей задачей. Ни Рэйлен, ни Мьори-Ланс не смогли бы помочь вам. У этой реальности свои законы.

– Мьори... кто?

– Торн Мьори-Ланс, старинный приятель Линн. Они встретились очень давно в одном из миров, сдружились и с тех пор были неразлучны.

– Он выглядит, как огромная чёрная... эээ... кошка?

– Нет. Огромный и чёрный – да, но назвать его кошкой можно лишь в том случае, если он примет подобный облик.

Неожиданно Мария почувствовала, что Элины с ними больше нет. Она обернулась и поняла, что не ошиблась. В какой момент и куда ушла подруга, оставалось загадкой. Теперь они с незнакомцем находились фактически наедине: это настораживало, но не настолько, чтобы броситься прочь сломя голову с душераздирающими криками о помощи.

«Он хотел этого, – вдруг осознала Мари. – Хотел, чтобы мы остались вдвоём, и этот мир выполнил его просьбу. Не удивлюсь, если Элина даже не заметит, что идет по парку одна».

– Вы сказали, здесь много домов, – осторожно начала она. – В том числе, наверное, и ваш.

– Так и есть, – мужчина кивнул, а потом усмехнулся краем губ: – Дома Странников на Перекрёстке миров чаще всего пустуют. Честно говоря, в них нет необходимости, но мы всё равно создаем их по одной простой причине: дом – это константа. Нечто постоянное, своего рода якорь, который удерживает нас в череде переходов. Место встречи с теми, кто тебе дорог и кого ты всегда рад видеть. Да, в него можно и не попасть, если дело совсем плохо, но сам дом никуда не денется. А бывает и так, что на свет в окне приходят те, кто заблудился и потерял себя. И это их шанс... Такая вот метафизическая муть, – неожиданно закончил он.

Мария смотрела на него широко раскрытыми глазами. Разум говорил ей, что этот человек – сумасшедший и несёт околесицу, которая не вписывается в привычную картину мира. Но чувства... Они подсказывали, что эта картина мира – всего лишь сон. И что она вот-вот проснётся.

– Значит, мы – Странники, – Мари с трудом подавила скептический смешок. – Вы, я, Элина и этот ваш... как его?.. Рэй.

– Совершенно верно.

– Ну, хоть не набившие оскомину Избранные... И чем же занимаются Странники, помимо или во время странствий?

– Решают проблемы. – Казалось, мужчина не замечает её насмешливого тона. – Своего рода траблшутинг, если ты понимаешь, о чём я.

Мария понимала. Ей не раз удавалось легко и изящно решить вроде бы неразрешимые задачи. Правда, ей за это никто не платил.

– Ну, хорошо. А мой дом тоже находится где-то здесь?

– Разумеется.

– А... хм... могу я увидеть то, что вы называете моим домом?

Незнакомец остановился и посмотрел ей в глаза. Удивительным был этот долгий взгляд: изучающим, нежным и полным глубокой печали.

– Ты уверена, что хочешь этого? – наконец спросил он.

«Что там может быть? Старые развалины, паутина на стенах, летучие мыши на чердаке? – подумала Мария. – Не страшно. Даже если опыт будет шокирующим, это только к лучшему: быстрее проснусь».

– Да, – твёрдо проговорила она.

– Хорошо, – ответил он.

А потом легко подхватил её на руки и понёс.

В первую минуту Мария даже не нашла, что сказать. Ну не спрашивать же, что он делает, – тут всё понятно. К тому же она дала согласие... хотя и не представляла, что путешествие домой будет выглядеть именно так.

Тропинка перетекла в аллею, и вскоре они оказались в красивом саду, утопающем в ярких цветах. На небольших зелёных лужайках журчали весёлые фонтаны, над клумбами летали жёлтые бабочки, а за деревьями виднелся просторный и светлый коттедж с широкой террасой, огромными окнами и раздвижными дверями.

– И это – мой дом?! – искренне удивилась Мари.

– Наш дом, – поправил незнакомец, поднимаясь вместе с ней по ступенькам крыльца.

– Наш? Это уже интересно... Получается, мы живём вместе? И с каких таких пор?

– С очень давних, – он толкнул ногой дверь, и та послушно отъехала в сторону. Мария почувствовала себя новобрачной, которую по традиции после свадьбы переносят через порог её будущего семейного дома, и ужасно смутилась.

– Может, вы меня наконец отпустите? – попросила она. – Я бы и сама сюда дошла, не стоило так напрягаться.

– Стоило, – мужчина снова пристально посмотрел на неё. – Ты бы не нашла это место. С некоторых пор оно для тебя не существует.

– Почему? – Мари с любопытством огляделась. И первое, что заметила, – надпись на большом зеркале в холле, сделанную тёмно-вишнёвой помадой:

«Прощай навсегда!»

– А-а, понятно, – протянула она. – Судя по всему, мы расстались. Интересно, по какой же причине?

– Так и есть, – не слишком охотно подтвердил незнакомец и аккуратно опустил её на пол. – А сама не помнишь?

– Может, освежишь мою память? – Мария повернулась к нему и скрестила руки на груди. В конце концов, если они жили вместе, можно без особых церемоний перейти на «ты».

Мужчина взглянул на часы, едва приметно нахмурился и опустил в стоящее рядом плетёное кресло.

Мари терпеливо ждала.

– Я не смог назвать тебе своё Истинное имя. Назвал то, которое нравилось больше других, и однажды ты решила проверить его истинность. Использовала простейшую магию подчинения, чтобы посмотреть, что получится. Естественно, не получилось ничего. Результатом был скандал, обвинение меня во всех существующих грехах, вот эта трогательная надпись и твоё исчезновение. – Он поднял голову и посмотрел на неё. – Собственно, вот и всё.

Она прищурилась. Очень знакомо. И очень недобро:

– Не смог, говоришь? Или не захотел? А может, побоялся?

Стены дома слегка дрогнули. Мужчина устало вздохнул:

– Ты здесь, потому что хотела вернуться сюда. Одного моего желания было бы недостаточно. Неужели сквозь беспамятство ты искала дорогу домой, лишь для того чтобы продолжить скандал?

– А ты надеялся, что я снова, как последняя идиотка, упаду в твои объятия? – она рассмеялась, а потом испуганно прикрыла ладонью рот и, краснея от стыда, пробормотала: – Простите... я сама не понимаю, что говорю. Это же грубо... так нельзя!

– Это называется «очаровательная прямота», которая мне всегда в тебе нравилась, – глядя в сторону, как-то слишком мрачно отозвался он. – Не стесняйся. Расслабься и продолжай.

«Я схожу с ума», – с ужасом подумала Мари, ощущая, сколько обиды и злости звучит в её вырвавшемся наружу внутреннем голосе:

– Ты обманул меня. Я доверяла тебе, как доверяют самому близкому человеку. Назвала тебе своё имя, научила своему языку, рассказала всю правду о своём прошлом. А ты мое доверие предал!

Синие глаза незнакомца пристально взглянули на неё, и Мари стало не по себе от этого взгляда.

– Ты сказала, что я не любил тебя. Тогда позволь спросить: если ты решила проверить меня, любила ли ты сама? Ведь, по твоим же словам, любящие должны полностью доверять друг другу.

– Не меняй тему. Мы говорим не обо мне.

– Не уходи от ответа, – он снова бросил взгляд на часы. – Прошу тебя.

Мари показалось, что от двойного потока мыслей у неё сейчас лопнет голова, а от обилия эмоций разорвётся сердце.

– Я любила тебя, – через силу выдавила она. – Просто... мне стало интересно. Я всегда была... чересчур любознательной.

– Тогда почему ты ушла, ничего не сказав ни Рэю, ни Линн? Ты ведь никогда так не поступала.

– Я... не помню, – Мария сжала ноющие виски. – Кажется, я... ужасно разозлилась.

– Ну, еще бы... Мы оба в тот день повели себя не лучшим образом. – Он вздохнул. – Я тоже не удержался и... наговорил глупостей, о чём потом пожалел.

– Да-да, припоминаю... Ты обвинил меня в том, что я тебя просто использовала. Удобно устроилась, пользуясь твоей жизненной силой, принимая твою любовь и заботу и ничего не давая взамен... Очень мило. После этого мне расхотелось не то что видеть тебя, но и находиться с тобой в одном измерении.

– Я не обвинял. Я всего лишь задал вопрос, потому что тоже разозлился. Не стоило этого делать, но... Ладно, не важно. Прошлого уже не изменишь.

– Это точно, – отозвалась Мари, потирая лоб и ощущая слабость в ногах, как после хорошей пробежки.

– Я не назвал тебе своё Истинное имя по одной простой причине. – Мужчина поднялся и отошёл к окну. – У меня его нет. И никогда не было. Имён было много, но ни одно из них не являлось Истинным. Мир, который создал меня, дал мне, пожалуй, всё, кроме этого.

И Мари почувствовала – сейчас он говорил чистую правду.

– Почему ты не сказал сразу? – поинтересовалась она после небольшой паузы.

– Глупо получилось, – голос его прозвучал словно издали, и Мари показалось, что черты незнакомца как-то поблекли, словно стали прозрачнее. – Прости.

– Ты мог объяснить всё, как есть, – уже спокойно сказала она. – Я бы поняла.

– Я подумал, что истина покажется тебе попыткой сохранить мою душу в неприкосновенности. Ты открылась мне, и я хотел отплатить тебе тем же, преподнести равноценный дар...

– И преподнёс пустую подарочную обертку. Из лучших побуждений. Видимо, ты плохо меня знал.

– Я не думал, что ты когда-нибудь станешь проверять. Мне казалось, мы полностью доверяем друг другу. А потом... я готов был всё рассказать, но ты уже не желала слушать. – Его голос звучал всё тише. Он обернулся, и Мария увидела на его губах печальную улыбку. – Прости меня.

– Мне не за что тебя прощать, – она опустила голову и буквально заставила себя продолжить: – Ты прав, глупо получилось. Глупее некуда. Потому что у таких, как я, тоже нет Истинных имён. Имя, которое я назвала тебе... его мне дала Линн, моя единственная подруга. И если бы ты когда-нибудь тоже решил проверить...

Мария замолчала. Синеглазый незнакомец тоже долго молчал, а потом еле слышно вздохнул:

– Я рад, что нам удалось встретиться и поговорить. Это того стоило.

Его силуэт таял на глазах.

– Что происходит?! – Мария непонимающе разглядывала его. – Подожди... Не оставляй меня здесь, пожалуйста!

– Ты уходила навсегда, и я заплатил слишком высокую цену за то, чтобы помочь тебе вернуться. Теперь меня ждет Безмолвие. – Он попытался улыбнуться и не смог. – Но я не теряю надежды увидеть тебя снова. Всех вас. *Shoot this trouble, Waellarie...*

Незнакомец исчез.

Мария застыла на месте с открытым ртом. Живой, настоящий, физически ощутимый мужчина просто взял и исчез – это не укладывалось в голове. Разум отказывался верить увиденному, и Мари на мгновение зажмурилась, а потом снова открыла глаза. Ничего не изменилось. Только в светлом и прежде уютном доме стало пусто и холодно.

– Прости, – еле слышно прошептала она. Хотела еще что-то добавить, но из горла вырвались только жалобные всхлипывания.

Впервые в жизни она не понимала, почему плачет. То ли потому что с синеглазым мужчиной – её мужчиной! – случилась какая-то беда; то ли потому что ситуация оставалась неясной и заставляла её ощущать полное бессилие; то ли потому что виноватой во всём происходящем, как ни тяжело это признавать, оказалась именно она.

Нужно было что-то со всем этим делать. С чего-то начать.

Мария вытерла мокрое лицо ладонью, подошла к зеркалу и, вытащив из кармана бумажный платок, стала стирать тёмно-вишнёвую надпись. Это было трудно: буквы словно въелись в поверхность зеркала, приходилось отскабливать их ногтями. Закончив, она немного подумала, достала из другого кармана розовую помаду-карандаш и уверенно написала на чистой поверхности:

«Мы скоро вернёмся».

Еще в самом начале прогулки Элина вдруг поняла, что невесть откуда взявшемуся мужчине и её подруге есть о чём поговорить с глазу на глаз, поэтому, уловив момент, свернула на другую тропинку и не спеша направилась к дому. Ей нравилось здесь, в этом тихом безлюдном парке, похожем на лес; тропа выводила её то к декоративным прудам, то к аккуратно подстриженным зелёным лужайкам. На одной из таких лужаек она увидела качели и не смогла отказать себе в удовольствии покачаться.

День еще только начинал превращаться в вечер, но на тёмно-голубом небе уже можно было различить несколько крупных звёзд. Вот одна из них вспыхнула, покатила по небу, оставляя за собой золотистый след, и увиденное отозвалось в душе Элины каким-то странным ощущением, будто она уловила некий сигнал или знак... Но какой? Память хранила молчание.

Элина трянула головой, пытаясь вспомнить, что могла означать падающая звезда. Золотистый след. У него волосы такого же цвета... Молодая женщина вздохнула. Она сотни раз представляла, как произойдет их встреча, но в своих видениях, где-то на грани между явью и сном, ни разу не смогла перешагнуть порог их общего дома. Не зря эта проклятая песня о Городе, которого нет, преследовала её. «Мне до него последний шаг, и этот шаг длиннее жизни»... Ей во что бы то ни стало нужно было сделать этот шаг, чтобы потом, задыхаясь, пробежать по старым ступенькам (две, затем пять и еще три), распахнуть дверь (ручку вниз и от себя) и, оказавшись внутри, увидеть свет и почувствовать тепло. Неведомое проклятие исчезнет только тогда, когда она войдет в гостиную и Рэйлен, стоящий у камина, обернется и увидит её. Когда их руки соприкоснутся в сердце дома, всё в мире вновь станет правильным...

Качели остановились. Элина нехотя поднялась и продолжила путь.

Уже смеркалось, когда на одной из аллей возле гостевого дома она встретила Марию. Подруга была одна. Увидев Элину, блондинка подошла ближе. Что-то неуловимо изменилось в ней. Не внешне. Внутренне.

– Где он? – спросила Элина, чувствуя, как что-то нехорошо сжимается внутри.

– Ушёл, – помедлив, ответила Мари.

– Куда?

– Он назвал это место Безмолвием, – она выглядела усталой и опустошенной. – К сожалению, мне это ни о чём не говорит.

– Когда ты сказала «Безмолвие», у меня мурашки по спине пробежали. – Элина помолчала и вновь посмотрела вверх: – Как думаешь, падающая звезда с ярким следом – хороший знак?

– А что, упала звезда? – Мари с интересом уставилась в небо.

– Некоторое время назад, когда я качалась на качелях.

– Любопытно... Когда ты сказала об этом, у меня в голове завертелись строчки стихотворения... или, может быть, песни. «В небе звезды след. В доме горит свет...» – задумчиво процитировала Мария. – Остальное, увы, ускользнуло из памяти. Промелькнуло и исчезло, как та самая звезда.

– «В доме горит свет»... Может, это означает, что надо вернуться к моему дому и попытаться попасть в него еще раз? – Элина вопросительно посмотрела на неё.

– Не уверена, что получится, – покачала головой Мари. – Но всё же давай попробуем.

Двигаясь по знакомой дорожке, они уже издали увидели, что маленькое окно под самой крышей сияет жёлтым, словно там на подоконнике горит свеча. В остальном ничего не изменилось: дом по-прежнему заполняли тишина и темнота.

Подруги остановились возле крыльца. Через пару минут задумчивого созерцания ступеней Мария сказала:

– Дай ключи от гаража. Проверю, как там машина.

– Думаешь, дверь откроется, если я подойду одна? – Элина пошарила в карманах. – Так не должно быть, но... Вот, держи.

Мари взяла связку ключей, подмигнула ей и ушла.

Дверь оставалась запертой. Убедившись в этом, Элина прекратила бесплодные попытки, вернулась на крыльцо и села на ступеньки.

– Забавно, – с горечью усмехнулась она. – Сажу у порога, словно приبلудная кошка. – Женщина подняла голову. – Если бы знать, что я делаю не так... Помоги мне, пожалуйста. Да, я не могу зайти внутрь, но это не значит, что ты не можешь выйти.

– А ты уверена, что он сейчас внутри? – Мария подошла и устроилась рядом. – Дом пуст, мне кажется.

– Это я так, в общем, – Элина неохотно поднялась со ступеней. – Идём, надо покормить кота и поесть самим.

– Ты расстроена?

– Нет, нисколько.

Бастиан сидел на дорожке возле домика для гостей. При виде подруг он поднялся, выгнул хвост и нетерпеливо мяукнул.

– Проголодался, обжора? – бросила на ходу Мария.

Кот прищурил яркие глазищи и поспешил за ней в дом. Пока он изучал содержимое миски, Элина включила кофеварку, попросила подругу сделать сэндвичи с сыром и ушла в душ. Когда она вернулась, ужин стоял на столе. Мари играла с котом и пила белое вино прямо из бутылки.

– Нашла её в баре возле камина, – пояснила она. – Жутко хотелось выпить и забыться. Первое получилось, второе – нет.

Элина молча забрала у неё бутылку и разлила спиртное по обычным стаканам.

– Больше всего на свете я не хочу отсюда уходить, – призналась она, забираясь с ногами в кресло. – Но оставаться здесь бессмысленно.

– И что ты намерена делать?

– Понятия не имею. У меня ощущение, как перед сложным экзаменом, материала к которому я практически не знаю.

– Знаешь, но не помнишь, – уточнила Мари. – У нас сплошные провалы в памяти. Я тут кое-что вспомнила, и это помогло мне оценить масштабы амнезии. Они просто катастрофические!

– Что именно ты вспомнила?

– Ну, – Мария вертела в руках стакан, – кое-что из того, что произошло между мной и тем очаровательным незнакомцем. И теперь не знаю, как дальше быть. Я совершила ужасную ошибку.

– Все ошибаются, – пожала плечами Элина. – Так мы проходим жизненные уроки и развиваемся. И нет такой ошибки, которую невозможно исправить, пока мы живы.

– Мы-то живы, – мрачно усмехнулась блондинка и залпом допила оставшееся вино. – Интересно, как быстро убивает Безмолвие?

– Мне интересно другое, – подруга смотрела куда-то за окно.

Некоторое время они просидели молча: разговор не клеился – невозможно обсуждать то, что настолько запутанно и непонятно. Бастиан перебрался на колени к Элине и замурлыкал; его утробное монотонное мурчание убаюкивало, что вкупе с выпитым на голодный желудок вином вскоре заставило подруг разойтись по своим комнатам и улечься спать. Мария еще нашла в себе силы раздеться, Элина лишь скинула туфли и с котом на руках устроилась прямо на покрывале.

Проснулась она от того, что в лицо ей светило солнце.

Элина несколько раз моргнула, привыкая к яркому свету. За окном полыхало оранжевое зарево. «Утро? Не может быть, – сонно подумала она. – Неужели пожар?»

Молодая женщина вскочила с кровати – разбуженный кот недовольно мяукнул и спрыгнул на пол – босиком на цыпочках подбежала к окну и раздвинула тонкие занавески. Ночное небо напоминало картину художника-сюрреалиста: алые, багровые, оранжевые и жёлтые мазки растекались по синему фону, а вдали над верхушками деревьев виднелась огромная фиолетовая луна.

– Удивительно! – прошептала Элина, глядя на это богатство красок. – Надо разбудить Мари, ей тоже захочется такое увидеть!

Она бросилась за дверь и, не включая свет, стала быстро спускаться по лестнице. Кажется, подруга не спала: в холле горели свечи, тихо потрескивали дрова в камине, бросая красноватый отблеск на выложенный плиткой пол и полированные ручки кресел. Одно из них было занято... и далеко не сразу Элина поняла, что в нём сидит не Мария.

– Линн? – услышала она знакомый голос, волнующий и немного насмешливый. – Рад тебя видеть.

Он был одет, как обычно, в чёрное: шёлковая рубашка, штаны и обожаемые им высокие охотничьи сапоги. Тёмная лента перехватывала длинные золотистые волосы. Зелёные глаза неотрывно смотрели на неё.

Элина покачнулась и судорожно вцепилась в перила, чтобы не упасть.

– Ты?! – еле слышно выдохнула она.

– Я, – мужчина разглядывал её с интересом и явным сочувствием. А потом показал на соседнее кресло: – Прощу. А то как-то неловко сидеть в присутствии женщины.

Она попыталась сделать шаг – и не смогла: ноги дрожали, по мышцам разлилась противная слабость. Элина опустила глаза и беспомощно улыбнулась:

– Похоже, со мной случилось что-то вроде паралича...

– С тобой случилось кое-что намного хуже. – Он поднялся – высокий, широкоплечий, сложенный почти идеально – медленно подошёл и протянул ей руку. С трудом, словно поднимая чугунную гирию, она вложила свою руку в его ладонь. Рэйлен молча смотрел на неё, и лицо его было безрадостным. Не такой представлялась ей их встреча после долгой разлуки. Совсем не такой.

Элина упрямо стиснула зубы и заставила себя шагнуть вперёд. Мгновение она смотрела в любимые глаза, а потом, вспомнив, какой он видит её сейчас, спрятала лицо у него на груди.

– Я рада, что ты пришёл, – прошептала она.

– Не думал, что наша разлука будет настолько долгой. – Голос его слегка дрогнул. – Знаешь, без тебя я вновь разучился смеяться... или делаю это так неестественно, что даже выдавшего виды Мьори-Ланса тошнит. Твоё отсутствие плохо на меня влияет. А ты? Как ты... там?

– Ужасно, Рэй. Я не понимаю, что происходит. Я увязла в том мире, как в гиблом болоте. И то, что мы с Мари оказались здесь, – настоящее чудо... Чудо, за которое заплатился наш друг.

– Знаю, – его пальцы сжались, причиняя ей боль, но Элина не издала ни звука. – Я его предупреждал... умолял не делать этого. Мы бы нашли другой способ, перепробовали бы всё – что-нибудь да сработало бы. Но он очень скучал без неё. Боялся, что больше никогда её не увидит.

– Что такое Безмолвие? – прямо спросила Элина.

– Это... – Рэйлен поморщился. – Как бы попроще тебе объяснить? В общем, такое место, где нет ни магии, ни жизни – вообще ничего. Антипод Источника, чёрная дыра мироздания, куда попадают лишённые света души, древние боги, в которых никто не верит, миры, которые были живыми, но по разным причинам погибли. Ну, и самоубийцы вроде нашего друга, который сознательно исчерпал себя, отдал все свои силы и свет, лишь для того чтобы вы ненадолго попали сюда.

– Но почему Безмолвие? Не Пустота, не Инферно, не Ад?

– «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог; всё чрез Него начало быть, и в Нем была жизнь... И стало Слово плотью и обитало с нами, полное благодати и истины...» – процитировал он. – В священных книгах разных народов хранятся частицы знаний о природе Вселенной и её законах. Слово, сказанное вслух или мысленно, – это сгусток энергии, силу которого люди недооценивают. Это способ общения с Творцом и то, из чего мы строим свою судьбу. Во всех мирах, и особенно здесь, рядом с Источником, слово – образующая и преобразующая магическая единица. Во всех – кроме Безмолвия. Тот, кто попадает

туда, грубо говоря, находится в абсолютном энергетическом вакууме и в конце концов растворяется в пустоте, не оставив после себя ничего... вообще ничего, понимаешь? И самое ужасное – выбраться оттуда самому практически невозможно.

Элина почувствовала, что у неё холодеют кончики пальцев.

– Как же так получилось? – тихо спросила она. – Почему всё оказалось запущено до такой степени, что вам пришлось идти на крайние меры?

– Долгая история, – помолчав, ответил Рэйлен, – и местами непонятная даже мне. Знаю только, что твоя подруга решила покинуть нас. Ясно, почему она вернулась на Землю, в этот не самый приятный, несовершенный, опутанный религиозными догматами мир: там она появилась на свет и всегда испытывала к нему определенную симпатию, как леди из высшего общества – к убогому деревенскому домику, в котором давным-давно родилась. Видимо, после ссоры ей хотелось побыть одной, у истока своего существования, и о многом подумать. Но тебя-то зачем туда понесло? Ты никогда не любила этот мир. Ты его просто не переваривала.

– И в отместку он переварил меня, – грустно усмехнулась Элина. – Да так, что страшно озвучить, что мы имеем на выходе.

Рэйлен хмыкнул и взглянул на неё уже не так сочувственно, как прежде.

– Больше всего ты любила Антиро – мир, в котором мы с тобой познакомились. Ты была неплохим воином и достаточно сильным магом, а я... Я тогда выглядел и вёл себя просто ужасно. – Он улыбнулся. Элина заморожено слушала, и в беспросветной мгле её памяти начали проступать смутно знакомые образы. – Ты помогла мне стать лучше, Линниэль. Вместе мы прошли столько дорог, столько миров... и в одном из них ты встретила Вэл, ставшую твоей лучшей подругой, несмотря на то, что по природе своей вы разнились, как свет и тьма. А потом мир под названием Элиссим подарил ей того, кто сумел пробудить любовь в её сердце.

– Он помог нам в День Странника вернуться домой, – Элина подняла голову. – Но мы не можем остаться здесь насовсем, верно?

– Не можете.

– Ну еще бы. Сейчас мы – обычные люди, с обычным грузом земных забот, с обычными, то есть почти никакими способностями... И всё же я должна спросить тебя. – Она посмотрела ему прямо в глаза: – Что мы можем сделать, чтобы вытащить его оттуда? Ты сказал, что выбраться самому практически невозможно. Но если нужна помощь...

– Это не ваша забота, – оборвал её Рэй. – Я справлюсь, у меня гораздо больше сил и опыта. Даже думать об этом не смей.

– Хорошо-хорошо! – сдаваясь, она подняла ладони вверх. – Понимаю: мы сами сейчас, как слепые котятка, запутались в клубке мироздания. Кого в таком положении мы можем спасти? Никого.

– Рад, что ты разделяешь мою точку зрения.

– И всё-таки я должна знать, что делать, если вдруг – невероятно, но мало ли? – у тебя ничего не получится. Тогда нам придётся вытаскивать вас обоих. Подскажи, хотя бы в общих чертах...

– Нет.

– Пожалуйста!

– Нет. Вам не придётся. Лучше займитесь решением своих проблем.

– Рэй! Прошу тебя.

Он взял её лицо в ладони, долго смотрел в глаза, а потом коснулся поцелуем лба.

– Я хочу, чтобы ты вернулась, – тихо проговорил Рэйлен. – Взбежала по ступеням нашего дома, распахнула дверь и, как обычно, с радостным смехом бросилась в мои объятия. И отругала меня за то, что я впёрся в сапогах в чисто убранную гостиную. Хочу, чтобы в камине горел огонь, а ты, весело напевая, расставляла по комнате зажжённые свечи. И тогда я разолью по

бокалам вино, сыграю тебе свои новые песни, а потом унесу тебя наверх, в нашу спальню... и мы навсегда забудем о том, что когда-то жили в разлуке.

Он провел кончиками пальцев по щеке Элины, а потом отпустил её, сделал шаг назад и исчез в темноте комнаты. Она рванулась было за ним и... вскочила с кровати. Разбуженный кот недовольно мяукнул и спрыгнул на пол. А за окном её комнаты небо золотил самый обыкновенный, ничем не примечательный рассвет.

Марию разбудил громкий топот на лестнице. Кажется, подруга бежала вниз по ступеням так, будто за ней гнались.

– Лин, что случилось? – крикнула она, садясь на постели. – С тобой всё хорошо?

Элина, босая и встрепанная, распахнула дверь в её комнату и остановилась на пороге.

– Это был сон! – чуть ли не со слезами в голосе воскликнула она. – Представляешь?! Я думала, он пришёл, а это был просто сон!

– Рэйлен? – догадалась Мари.

Элина кивнула. И отвернулась к окну, чтобы подруга не видела её лицо.

– Он что-то сказал? Что-нибудь важное?

Подруга долго не отвечала – за это время Мария успела одеться, заправить кровать и поставить на кухне чайник. Когда она принесла в комнату две кружки с зелёным чаем и поставила на подоконник, Элина уже совершенно спокойно рассказала ей о том, что видела и слышала этой ночью. Практически слово в слово.

Мария задумалась. Настолько, что совершенно забыла про чай.

– Получается, они оба сейчас там, – она заложила руки за спину и неторопливо прошлась по комнате, – а нам велено не вмешиваться и сосредоточиться на своих делах. Что ж, разумно и, с одной стороны, удобно: сиди и жди, когда твою проблему решит кто-то другой. А решит ли? Вот в чём истинная проблема. Интуиция мне подсказывает...

– ... что Безмолвие гораздо страшнее, чем мы себе представляем, – эхом отозвалась Элина. – Вдвоём они вряд ли справятся, я это чувствую, что-то кричит об этом внутри... возможно, та самая настоящая я, которая прекрасно разбиралась в устройстве Вселенной. Всё повторяется, и Рэй совершил ту же ошибку, которую совершила я, в гордом одиночестве отправившись за тобой. Но на Земле мы хотя бы выжили, пусть и лишились памяти, сил и много чего еще. А в Безмолвии...

Подруги долго молчали. Элина смотрела в окно, точнее, куда-то в одну точку. Мария ходила кругами по комнате – видимо, так ей думалось лучше.

– Отдать жизнь только ради того, чтобы мы провели здесь сутки, немного освежили память, а потом сели в машину и поехали дальше, так и не узнав, что нам делать и как теперь жить, – крайне невыгодное вложение сил и средств, – пробормотала она. И вдруг остановилась: – Но так ли было задумано на самом деле?

Элина обернулась и непонимающе взглянула на неё.

– Говорят, когда-то мы вместе решали любые проблемы, – Мария лукаво прищурилась. – Что ж, попробуем справиться еще с одной. Давай рассуждать логически: Рэй назвал поступок своего друга самоубийством, но стоило ли вытаскивать нас сюда, чтобы красиво покончить с собой на наших глазах? Это невероятно глупо. А мой мужчина – уж поверь мне! – глупцом не был, иначе я никогда бы не полюбила его. Это был план, разработанный опытным траблшутером, и он включал в себя необходимую жертву. Самое убедительное доказательство его истинных чувств. – Она горько усмехнулась. – Боюсь, мне сейчас не постичь всей глубины этого плана, но, грубо говоря, он пожертвовал собой, чтобы развеять мои сомнения, сдвинуть ситуацию с мёртвой точки и впустить нас в игру.

– Но Рэй сказал, что мы не можем остаться здесь, – возразила Элина.

– Вернуться к прежней жизни мы тоже не можем, иначе жертва окажется напрасной. Он сказал мне, перед тем как исчез: *я не теряю надежды увидеть тебя снова... всех вас*. Разве самоубийцы так говорят? Это ключ, подсказка к решению... – Мария внезапно остановилась: – Гениально! Невероятно опасно, но... боюсь, по-другому никак.

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась Элина.

– Выбраться из Безмолвия одному, без чьей-либо помощи невозможно, и мой синеглазый Странник это прекрасно знал. Как и то, что по-настоящему вернуться домой мы можем только одним способом... Ну, ты уже догадалась, каким?

– Эээ... – Брови Элины удивлённо поползли вверх. – Ты что, предлагаешь...

– Именно.

– Но мы не готовы!

– Хочешь забыть обо всём и вернуться на пятидневку в офис?

– Разумеется, нет! Но... как?!

Мария загадочно улыбнулась. Так бывало всегда, когда ей в голову приходила очередная блестящая идея.

– Рэйлен, сам того не желая, тоже оставил подсказку: *слова, из которых мы строим свою судьбу*. В этом мире они обладают удивительной силой. Всё еще сомневаешься? Хорошо, тогда вспомни музыку на поляне. Ты вела её замолчать, и она смолкла. Совпадение? Не думаю. В нашем мире ты хоть заорись – такого не произойдёт.

– Но в данный момент мы обычные люди, – Элина недоверчиво смотрела на неё. – И мы здесь чужие. Этот мир не может нас слушаться.

– Тогда откуда в парке взялись гирлянды, шары и прочие атрибуты праздника? – Мария скрестила руки на груди. – Вспомни, о чем ты думала, когда мы бесцельно бродили по извилистым тропкам.

– Ну, – Элина задумалась, – я мечтала попасть на весёлое народное гулянье с угощением и танцами. Вот только никакого веселья не получилось.

– Совершенно верно. А знаешь, почему? – Мари рассмеялась, а потом снова стала серьёзной: – Потому что я не хотела никого видеть. И этот мир ухитрился выполнить оба наших желания. Ну, если тебе и этого мало... Как думаешь, кто по ночам приносит нам свежий хлеб, сыр, молоко и корм для кота? Служба доставки? Мастер Пополнения Холодильника? Кстати, имбирное печенье, которое я нашла в первый вечер, моё самое любимое. Я еще удивилась, откуда оно здесь: мы его покупали только в Лондоне.

– Допустим, – после долгой паузы согласилась Элина. – И что мы будем делать?

– Не верится, что это говорю я, но... использовать магию.

– Каждое слово обладает особой энергией, поэтому придётся очень аккуратно их подбирать, – Мари что-то быстро писала в блокноте. – Малейшая двусмысленность может дорого нам обойтись.

Элина наблюдала за тем, как она что-то зачёркивает, добавляет, переставляет слова местами. Потом не выдержала:

– Хватит, не мучайся. Всё равно маги из нас никакие. Давай просто будем искренними, честными и настроимся на благополучный исход.

– Я бы предпочла быть осторожнее, – Мари отложила блокнот. – Ладно, как хочешь, попробуем по-твоему. Начинай.

Элина закрыла глаза, на минуту погрузившись в себя. А потом заговорила:

– Я отправляюсь в Безмолвие, чтобы найти того, кто предназначен мне судьбой, и встретиться с теми, чей путь уже много веков неразрывно связан с моим. Я встречу их, узнаю, вспомню сама и помогу им вспомнить. Я исправлю всё, что должно быть исправлено: научусь принимать то, что отвергала, найду в себе смелость делать то, чего всегда боялась. Я приму себя

полностью, научусь любить себя такой, какая я есть, и смогу научиться любить и принимать моего мужчину. Я делаю это по доброй воле, и ничья злая воля не помешает мне вернуться сюда с ним и с теми, кого я люблю. Да будет так.

– Круто, – оценила Мария. – Немного пафосно, но... в целом, всё правильно. Теперь моя очередь. Прости, если позаимствую пару твоих фраз.

Некоторое время она задумчиво разглядывала свои руки, потом сделала глубокий вдох и произнесла:

– Я отправляюсь в Безмолвие, чтобы найти того, кто предназначен мне судьбой, и встретиться с теми, чей путь уже много веков неразрывно связан с моим. Я встречу их, узнаю, вспомню сама и помогу им вспомнить. Я учту свои ошибки и постараюсь больше не совершать их: буду искренней и честной в своих чувствах, словах и поступках, научусь доверять другим, прощать и просить прощения, обрету веру в себя и раскрою крылья. Я уйду добровольно, и ничья злая воля не помешает мне вернуться сюда со своим любимым, с моей лучшей подругой и её возлюбленным. Да будет так. И никак иначе.

– И у кого из нас больше пафоса? – рассмеялась Элина.

Минут пять они просидели, внимательно изучая друг друга.

– Странно, – задумчиво пробормотала Мари. – Мы не исчезаем. Ничего не происходит. Ты ощущаешь что-нибудь необычное?

– Нет, – честно сказала Элина. – Только желудок сводит от голода. Уже время обеда, а мы еще даже не завтракали.

– Неужели что-то пошло не так? Может, стоило написать всё это на бумаге, а потом торжественно сжечь?

– Ты еще предложи расписаться кровью, – хмыкнула Элина, а потом вздохнула: – Ну, нет так нет. Но попытаться стоило.

Они подождали еще немного, а потом перебрались на кухню, выпили остывший чай, съели по бутерброду. Имбирное печенье закончилось, и новую пачку никто не принёс. Намёк был понят правильно: подруги вымыли за собой посуду, собрали вещи и вышли из гостеприимного домика. Бастиан ждал на крыльце. Негромко мяукнув, он потёрся о ноги Элины, позволил Марии себя погладить, а потом прыгнул в заросли травы и был таков.

– Спасибо этому дому, – Мари повесила сумку на плечо. – В любом случае, впереди нас ждут великие дела. Я всё-таки хочу увидеть Альпы. – И отвернулась, чтобы Элина не видела её покрасневшие, полные слёз глаза.

Они прошли по дорожке мимо старого дома к гаражу, забрали машину, подождали, пока прогреется двигатель, а потом открыли ворота и выехали на асфальтовую площадку. Створки ворот за ними медленно закрылись. Элина бросила прощальный взгляд туда, где за деревьями скрывался её старый дом, вздохнула и решительно нажала педаль газа...

Ближе к вечеру они остановились в одном из недорогих отелей Зальцбурга, где у них был забронирован номер на двоих. За весь день они не сказали друг другу и десяти слов: разговаривать не хотелось. Только перед сном, уже лёжа в постели, Элина спросила не то подругу, не то саму себя:

– Интересно, что было бы, если бы у нас получилось?

– Вряд ли мы когда-нибудь это узнаем, – Мария зевнула, закуталась в одеяло и погасила свет.

Темнота обрушилась на них, стала густеть, и вскоре всё вокруг наполнила непроглядная тьма. Уже засыпая, Элина успела подумать, что, так или иначе, это было самое невероятное приключение в её жизни. Даже если у него нет и не будет продолжения и оно окажется безумной мистификацией. Даже если нет никакого Безмолвия, никаких предначертанных встреч, никакой любви вне пространства и времени.

Даже если в доме, стоящем на перекрёстке миров, её никто никогда не ждал и не ждёт...

Мысли растворились в пустоте. Так всегда бывает во сне... или когда погружаешься в глубокую медитацию. Она сделала вдох – и ощутила аромат благовоний, помогавший ей сосредоточиться во время молитвы. Чуть повернула голову, прислушиваясь, – и различила тихие шаги босых ног по каменному полу. Нужно было возвращаться. Кто-то искал её. Кто-то нуждался в её помощи.

Она медленно открыла глаза... и увидела перед собой улыбающееся лицо Богини.

Часть вторая. Дар Тривии

*...Как много ролей у Безмолвия!
Играть их забавно и сложно,
Но мы выполняем условия –
Не выполнить их невозможно.
В пространстве –
и словно в прострации –
Нас четверо: двое и двое.
Меняются лишь декорации,
А мы остаемся собою...*

1

Бронзовый лик отражался в воде, наполнявшей священную чашу. Черные свечи почти догорели, и в неверном отблеске угасающих огоньков девушка разглядела легкую рябь, пробежавшую по губам Богини, отчего её благословляющая улыбка превратилась в недовольную гримасу. Юная жрица виновато склонила голову и закрыла лицо руками. Сколько раз ей говорили, что Великая Тривия не позволяет слишком долго медитировать тем, кто не удостоился Высшего Посвящения! Не нужно было погружаться так глубоко и отпускать в свободный полет свою недостаточно опытную *атме* – душу, принадлежащую грозной Богине ночи, покровительнице тайных знаний, беспощадной к тем, кто смеет Её послушаться.

Для подобных путешествий в пространстве и времени нужно иметь высшее для жрицы звание – атемис, что означало «Принявшая Дух Божественной Матери». Или хотя бы второе по значимости – атикайя, «Говорящая с Матерью»... Девушка опустила руки на затекшие от долгого сидения колени и робко взглянула на статую Богини. Тривия по-прежнему улыбалась, но, казалось, вот-вот укоризненно качнет головой и скажет: *«Как тебе не совестно, Герика! А ведь я устилала твой путь лепестками цветов, помогла тебе в неполные семнадцать лет пройти первую ступень Посвящения и получить звание мельи – «Осенней поцелуем Матери». Звание, которое жрицы обычно получают гораздо позже, после нескольких лет преданной службы и исполнения трудных обетов!»*

«Прости меня, – мысленно попросила девушка. – Я знаю, что могла не вернуться в собственное тело, ибо знания мои о Незримом мире еще очень малы. Но что-то произошло там. Вмешалось что-то сильное, непреодолимое... и я не смогла удержать свою *атме*. Словно чудовищный вихрь подхватил ее, и лишь по воле Твоей я сумела...»

В коридоре снова послышались осторожные шаги. Похоже, та, что пришла в святилище, боялась помешать её медитации и все же была вынуждена прервать уединение жрицы. Девушка повернула голову и сделала приглашающий жест. Из темноты возник знакомый силуэт: Дегина, младшая жрица. Непосвященная низко поклонилась ей – такие, как она, в храме выполняли обязанности служанок. Это было их послушание.

– Мелья, – взволнованно прошептала она, – уже полдень. Прибыли «серые плащи».

Герика равнодушно пожала плечами: *и что с того?* Каждый день, когда солнце поднималось в зенит, ворота храма открывались и во двор перетекали вереницы паломников, желающих поклониться Великой Тривии. Десятки мужчин и женщин в одинаковых серых плащах, спасавших от палящего солнца, с корзинами подношений в руках и молитвами о милости в сердце.

– Мелья, с ними приехала царевна Солан.

Герика изумленно взглянула на младшую жрицу. Дочь царя Ангуса была здесь не так давно – луна не успела народиться дважды, и тогда в храм прибыла целая процессия: царь Кадокии приехал просить у Богини благословения на брак своего сына и наследника, старшего брата Солан. Судя по богатым дарам, которые Ангус оставил на алтаре Тривии, брачный союз обещал быть выгодным, а сам праздник – пышным.

После этого никаких известий из Кадокии мелья не получала. Что же случилось?

Герика потянулась было к висевшей на поясе дощечке для письма, но вовремя сообразила, что в святилище слишком темно. Тогда она жестом поблагодарила Дегину за новость, а когда та ушла, с трудом поднялась с пола, распрямив, наконец, затекшие ноги. Поклонилась статуе Богини, приложив обе руки к сердцу, и осторожно, чувствуя болезненное покалывание в ступнях, поспешила во двор.

Странно, очень странно. Дегина сказала, что Солан прибыла в храм с группой «серых плащей». Виданное ли дело – дочери царя путешествовать с простолюдинами! О чем думал государь Ангус, отправляя юную девушку в неблизкий и довольно опасный путь? Хотя, возможно, крытую повозку с царевной сопровождает отряд опытных воинов. Десяти или двенадцати фалангеров¹ вполне хватило бы, чтобы...

Пораженная Герика застыла в дверях, не веря своим глазам. Не было никакого отряда, не было даже крытой повозки: был только толстый соловый мерин, на котором гордо восседала закутанная в серый плащ царевна, и две молодые женщины, её служанки, которые, по всей видимости, весь путь проделали пешком.

Герика, нахмурившись, схватилась за дощечку и стило. Тем временем Солан, заметив ее, соскользнула с коня и неловко заковыляла навстречу подруге.

– Не понимаю, как мужчины весь день проводят в седле и после этого могут сражаться! – смеялась она. – Кажется, мне теперь никогда не удастся сомкнуть ноги!

Ее служанки расхохотались. Герика еще сильнее сдвинула брови, продолжая яростно выцарапывать буквы на податливом воске.

– Да устелет Богиня твой путь лепестками цветов! – Солан подошла и заключила жрицу в объятия. Капюшон плаща съехал, обнажая пепельно-русые волосы царевны, уложенные в простую прическу. По крайней мере, она не стремилась подчеркнуть свое положение... но Герика все равно отступила на шаг и резким движением протянула ей дощечку, на которой было всего два слова:

«Это безумие!!!»

– Ох, – виновато вздохнула царевна, оглядываясь на служанок, – ты права, Герика, и мой отец был бы того же мнения, если бы знал... – Жрица всплеснула руками: ну, разумеется, стоило догадаться, что Ангус не благословлял дочь на эту поездку! – Но поверь, мне было необходимо увидеть тебя. Многого изменилось, и, – Солан перешла на шепот, – мне нужна твоя помощь.

Герика долго и испытующе разглядывала ее. Потом снова взялась за стило:

«Поговорим там, где нас никто не услышит».

В это время года плодовые деревья в храмовом саду еще не полностью отцвели, и теперь белые и розовые лепестки то и дело падали на мраморную скамью, на головы и плечи сидящих рядом девушек.

– Они словно благословение Богини, – Солан подставила ладонь, и несколько кружащихся лепестков тихо опустилось в нее. Хмурая Герика нетерпеливо постучала острой палочкой по оборотной стороне дощечки, и царевна вернулась к рассказу: – Ну, так вот: роскошнее

---

¹ Фалангеры – пехотинцы; соответственно, фалангерия – пехота, основная военная сила в данный исторический период.

пира, чем на свадьбе моего брата, в Кадокии не было уже много лет. Этот брак укрепит политический и военный союз между нашим государством и соседним Эфраном, и отец говорил...

Герика сделала жест, словно приподнимала с лица покрывало. Солан улыбнулась:

– Невеста? Совсем ребенок, намного моложе меня. Мы боялись, что во время церемонии она лишится чувств – настолько бедняжка была взволнована и напугана. Жрецы, проводившие обряд, предлагали отложить осуществление брака, но её родители настояли. – Девушка опустила глаза и заговорила тише: – Служанки сказали, что утром после свадебной ночи лицо новобрачной было опухшим от слез. Мой брат вовсе не чудовище, он красив и силен, его есть за что полюбить... и все же она не выглядела счастливой. Скорее, наоборот. Родовались только царь и царица Эфрана, получившие богатый выкуп за дочь, разрешение на беспошлинную торговлю и надежного союзника в случае войны.

Герика удивленно выгнула бровь, но царевна пожала плечами:

– Не спрашивай, я совершенно не разбираюсь в политике, да мне это и не нужно. Эриней с десяти лет всюду сопровождал отца, даже на переговорах, но он будущий правитель, а я... Моя роль достаточно скромна: укрепить союз Кадокии с одним из соседних государств. – Солан вздохнула и замолчала, и Герика вдруг поняла, что привело её сюда. Она схватила дощечку и быстро нацарапала на ней:

«Тебя выдают замуж?»

– Вскоре после свадьбы Эриней отец сказал, что решил мою судьбу, – Солан подняла на неё чуть увлажнившиеся темно-синие глаза и едва выдавила улыбку. – Он не назвал имени, лишь срок: ближайшее новолуние. Поэтому я хотела попросить тебя провести обряд. Хочу узнать, что меня ждет, и понять, смогу ли я стать счастливой.

Герика задумчиво побарабанила пальцами по скамье и вновь принялась писать.

«Сегодня не получится: я совершила ошибку и вызвала порицание Богини. Мы можем поднести Ей дары, а завтра утром я попрошу её показать мне твою судьбу».

– Хорошо, – согласилась царевна, возвращая дощечку. – Я могу остаться в храме на день или два. Вряд ли отец хватится меня: он покинул столицу для очередных переговоров, а брат с молодой женой путешествуют по Эфрану. Вот я и решила, что это подходящий случай увидеться с тобой и помолиться Великой Тривии.

Герика покачала головой и многозначительно похлопала себя по лбу. Но Солан только рассмеялась.

– Ох уж эти ваши обеты! – проговорила она. – Я бы не смогла молчать целый год. Когда же завершится испытание, Герика? Я так соскучилась по твоему голосу.

Жрица принялась загибать пальцы: один, два, три... семь, восемь, девять. А потом поднялась со скамьи и жестом велела царевне следовать за ней.

2

Ранним утром следующего дня, после ритуала Восхваления Богини, на котором обязательно присутствовали все жрицы – от Верховной до младших непосвященных, Герика и Солан уединились в опустевшем святилище. Венки из луговых цветов, принесенные ими накануне и обрамлявшие подножие статуи, все еще источали свежий, чуть терпкий аромат. Нежные лепестки не завяли, и Герика сочла это добрым знаком: Тривия благоволила им. Теперь предстояло как следует подготовиться к обряду.

Они обе опустились на колени возле алтаря. Жрица зажгла свечу, и теплый огонек разогнал сумрак, заставил его заплескаться на стенах причудливыми тенями. Желтые отблески заиграли на бронзовом теле Богини, молча взиравшей на девушек с высоты своего роста. Грозная и прекрасная, в одной руке она держала факел – символ знания, в другой – меч, орудие воз-

мездия; вместо венца голову Тривии обвивала змея – символ мудрости. Солан невольно залюбовалась ею: статуи богов-мужчин с суровыми лицами и преувеличенно мускулистыми телами редко вызывали у неё восхищение, разве что легкий трепет, а здесь она видела настоящую красоту и чувствовала силу, которой хотелось приобщиться, довериться и вознести молитвы. Близость той минуты, когда откроется её будущее, вызывала и радостное волнение и страх, поэтому, чтобы отвлечься, пока Герика воскуривала благовония и наливала воду в священную чашу, Солан принялась без умолку болтать.

– Я долго гадала, кто это может быть, – призналась она. – У царя Шантии нет неженатых наследников. Тирренский царевич слишком молод для брака, да и выгоды этот союз не сулит никакой. Остаются два западных царства и два, лежащих на юго-востоке...

Герика прервала свое занятие, повернулась к царевне и приложила палец к губам.

– Царевич из Лодоса ужасно некрасивый, – Солан перешла на шепот. – Низкорослый, с круглым лицом, короткой шеей и большим животом. Когда он садится верхом, под ним прогибается лошадь. Боюсь даже представить, что будет со мной, если такой навалится сверху.

Герика сердито хлопнула её по колену и протянула девушке маленькую глиняную чашу с молитвенным зельем. Содержимое второй чаши она медленно выпила сама.

– Хемейский царевич вроде ничего, но слишком уж молчаливый – слова из него не вытянешь. Говорят, он предпочитает мальчиков. – Царевна залпом проглотила зелье и поморщилась: оно было горьким и вязущим. – Ууу, какая гадость!.. Царь Фарагона недавно овдовел, но ему уже далеко за сорок и у него выпала половина волос...

Герика с трудом сдержалась, чтобы не шлепнуть её по губам. Она понимала, что Солан лишь пытается скрыть волнение, но её болтовня мешала сосредоточиться на обряде и потому раздражала жрицу.

– Есть еще танарийский царь, но в нынешней ситуации мой отец не захочет союза с ним. Я слышала, как он говорил...

Потеряв терпение, Герика зажала ей рот ладонью. Потом пристально посмотрела в глаза девушки и перевела взгляд на статую Тривии. Солан робко кивнула, и жрица, отпустив ее, сложила руки на груди, приступая к молитве. Царевна последовала её примеру.

Попросив благословения и помощи у Богини, Герика придвинула ближе священную чашу и принялась что-то сыпать в воду из разных мешочков. Солан с изумлением наблюдала, как в свете свечей вода то темнеет, то светлеет, то покрывается рябью. Струйки ароматного дыма, переплетаясь между собой, поднимались вверх и плыли по святилищу. Царевна взглянула на Герика: пламя свечей отражалось в расширившихся зрачках жрицы, распущенные темные волосы оттеняли белизну её кожи, и вся она в своем черном одеянии напоминала явившееся на зов потустороннее существо, такое же грозное и прекрасное, как и её Богиня.

Мелья протянула девушке тонкую серебряную иглу. Она была настолько острой, что Солан в первый миг даже не почувствовала боли. А когда ощутила ее, то увидела, как капли её крови медленно стекают по указательному пальцу и падают в чашу. Герика облизала иглу, уколола свой палец и выдавила туда же несколько алых капель. А потом низко склонилась над чашей, в которой плясало отраженное пламя свечей...

– Ну, и что ты видела? – нетерпеливо спросила Солан. – Герика, ты вообще что-нибудь видела? Очнись!

Молитвенное зелье понемногу прекращало действовать, но жрица все еще сидела неподвижно и, кажется, даже не моргала, глядя в одну точку. Лицо её было задумчивым и немного растерянным, а между бровей залегла тревожная складка. Именно это и насторожило царевну.

– Герика! – девушка взяла её за руку. – Неужели Богиня не ответила на просьбу? Честно признаюсь, я смотрела в чашу, но видела в ней лишь свое отражение. А ты?

Мелья, не глядя на Солан, повернулась к статуе Богини. Некоторое время она всматривалась в черты её лица, словно надеясь получить ответ на какой-то вопрос. Но, похоже, ответа не последовало: девушка глубоко вздохнула, поднялась с пола, поклонилась и принялась убирать ритуальную утварь. Приведя все в порядок, она взглянула на изнывающую от нетерпения царевну и жестом показала ей: *идём*.

Девушки вышли в одну из галерей и сели рядом на мраморный парапет. Герика долго смотрела куда-то перед собой, затем принялась писать на дощечке:

«О чем ты просила Великую Тривию?»

– Я просила Богиню открыть мне будущее, – ответила Солан. – Имя жениха или название государства, в которое мне придется уехать. – И вдруг её осенило: – Герика, неужели ты видела меня рядом с... о-о, нет, только не царевич из Лодоса! Пожалуйста, скажи, что это был не он! И не стареющий государь Фарагона! Я этого не вынесу!

Она уткнулась Герике в плечо и зарыдала: видимо, обострившее чувствительность зелье всё еще действовало. Мелья отложила дощечку, обняла девушку и погладила по голове.

Она знала царевну уже давно и любила, как сестру, которой у неё никогда не было. Герика и Солан впервые встретились несколько лет назад, когда царь Кадокии привез в храм смертельно больную жену в надежде, что Великая Тривия исцелит её. У немолодой уже царицы неожиданно начал расти живот, и поначалу все радовались, что она подарит Ангусу еще одного ребенка. Но время шло, а плод не шевелился, и целители заподозрили неладное. Здоровье царицы стремительно ухудшалось, её начали мучить боли, ни одно из проверенных средств не помогало, и тогда, отчаявшись, государь решил обратиться к богине-покровительнице жен и матерей и её Верховной жрице, умеющей составлять поистине чудодейственные снадобья. Юная царевна ни на минуту не отходила от матери: поила её травяным настоем, облегчающим боль, обтирала влажной губкой её воспаленное, раздувшееся тело, говорила с ней или просто держала за руку. Герика тогда была Непосвященной, ей поручали ухаживать за тяжелобольными, и она видела, как эта хрупкая, нежная девочка старается быть сильной, пряча слезы за ободряющей улыбкой. В тот раз Богиня не совершила чуда, и спустя десять дней царица умерла. Только тогда Солан дала волю чувствам – Герика нашла её в святилище, горько плачущую, распростертую у подножия бронзовой статуи. Непосвященная не умела утешать, но подходящие слова нашлись сами собой: о том, что милосердие Тривии может быть разным и в некоторых случаях смерть – одна из его разновидностей; о том, что любимые и любящие никогда не уходят навсегда – пусть и незримо, но они находятся рядом; о том, что память – единственный способ не дать человеку бесследно исчезнуть в пространстве за гранью этого мира...

С того дня они сблизились, стали подругами и с нетерпением ждали очередного праздника или иного события, позволявшего им увидеться вновь. Они могли часами говорить обо всем на свете или молчать, задумчиво глядя на звезды, смеяться или грустить, делиться друг с другом самым сокровенным. Но сейчас мелья не решалась рассказать Солан об увиденном в глубине священной чаши. Она и сама до конца не понимала того, что видела, и это пугало её.

Когда царевна перестала всхлипывать, Герика аккуратно отстранилась и снова взялась за дощечку.

«Я не видела рядом с тобой ни жирного уroda, ни старика, – торопливо нацарапала она. – Я тебя вообще не видела».

Солан удивленно захлопала мокрыми ресницами и вопросительно уставилась на подругу.

«Мне тоже однажды придется выйти замуж. Брак – это, в первую очередь, долг, но я попросила Тривию, чтобы нас с тобой миновала горькая участь большинства женщин. Чтобы мы не только исполнили свой долг, но и обрели счастье».

– И что же она показала тебе? – тихо спросила царевна.

Герика закусила губу. Потом стерла уже написанное и медленно начала выводить букву за буквой.

«Я видела...

«...битву. Пламя и кровь. Много крови. Несущихся лошадей и людей, гибнущих под копытами. Видела темноволосого воина, заносящего меч над своими врагами. И второго мужчину: он выступил из темноты, словно тень, огромная и смертоносная. У него было странное оружие, похожее на топор с длинной рукоятью, способное убить с одного удара. Эти двое были сильны и опасны, но я не боялась. Я смотрела на них, и в моем сердце рождалась странная смесь надежды и боли, страха и радости...»

Стило дрогнуло в руке жрицы.

«Я видела двух мужчин. Один похож на южанина, лицо второго не удалось разглядеть. Достаточно молодые, крепкие, сильные воины», – сдержанно написала она.

– Воины? – растерялась Солан. – Но я не могу выйти замуж за воина. Даже за главнокомандующего фалангерией. Отец никогда не позволит.

Герика пожала плечами и добавила:

«Иногда предсказания трудно понять. Возможно, это метафора»

Пламя и кровь. Трудно не догадаться, о чем идет речь.

«Тебе нужно вернуться домой, Солан. Если государь узнает, что ты уехала без его позволения, он рассердится и накажет тебя»

– Ты права, – помолчав, кивнула девушка. – Что ж, по крайней мере, я не отправлюсь ни в Фарагон, ни в Лодос. Это уже хорошо, – Солан поцеловала Герика в лоб и поднялась: – Спасибо тебе. Я сплету для Богини венки из белых цветов в знак благодарности и прикажу служанкам седлать коня. Мы вернемся в столицу уже завтра вечером.

3

Герика проводила подругу до сада, а сама отправилась в верхние помещения храма. Её ждали дела. Послушание мельи – разбирать привезенные свитки и пергаменты, многие из которых написаны на чужом языке, и переводить их на язык, понятный в этих краях, – только на первый взгляд казалось легким.

К полудню она закончила начатый вчера свиток и отнесла показать Верховной жрице. Атемис Сефира внимательно изучила его и с улыбкой потрепала девушку по щеке:

– Ты хорошо потрудились, мелья. Красивый слог. Тебе нужно попробовать переводить стихи.

Смущенная похвалой Герика опустила глаза. Сефира хотела что-то добавить, но тут в её покои вбежала атикайя Джива, маленькая, круглая женщина с добрым лицом и не по-женски низким голосом. Судя по вытаращенным от волнения глазам, она несла чрезвычайно важную новость.

– Госпожа, – пробасила атикайя после обмена приветствиями, – у нас гости. Прибыл государь Искандер из Танарии в сопровождении десяти всадников.

Верховная жрица и Герика удивленно посмотрели на запыхавшуюся жрицу. Мелье не раз доводилось слышать о танарийском царе, но она никогда раньше его не видела. Удивление же Сефиры отдавало настороженностью.

– Что привело его в Междуречье? – спросила она. – Не самый близкий путь, чтобы просто почтить Богиню. В Танарии есть собственный храм Тривии.

– Зато наш – самый большой и самый известный! – Джива вытерла покрасневшее лицо платком. – Все знают, что Богиня особо благоволит этому месту.

– Это так. Что ж, видимо, у государя появилась серьезная надобность, – задумчиво усмехнулась Верховная жрица. И добавила уже другим, деловым тоном: – Распорядись, чтобы его приняли, как подобает. И собери Посвященных.

– Всех?

– Нет, только Высших, – Сефира бросила взгляд на Герику и неожиданно предложила: – Если хочешь, можешь пойти со мной. Проследишь, чтобы младшие не путались под ногами.

Встречать царственного гостя вместе с Высшими жрицами – слишком большая честь и огромная ответственность для мельи. Но Герика не посмела возразить, лишь благодарно коснулась губами узкой руки Верховной жрицы.

Они спустились на мраморную площадку перед входом в храм, как раз когда всадники спешили и, привязав лошадей во дворе, стали подниматься по ступеням в святилище. Герика привстала на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть гостей, прибывших с далекого юга... и вдруг, поблднев, шагнула назад и прижалась к колонне.

Впереди шел высокий, хорошо сложенный мужчина в светлом походном плаще, судя по всему, еще не перешагнувший порог тридцатилетия. Его слегка вьющиеся темные волосы, удерживаемые тонким золотым обручем, свободно рассыпались по плечам, черты загорелого лица были красивыми и благородными, однако более всего Герику поразили его глаза – удивительно чистого синего цвета, похожие на два драгоценных камня: такие же яркие и столь же холодные. Двигался он легко, и в каждом его движении чувствовались уверенность и сила. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: перед ними не только правитель, но и опытный воин.

За государем следовали его спутники, и один из них сразу привлек внимание Герики. Он был почти на голову выше царя и гораздо шире в плечах. Девушка знала только одно племя, рождавшее таких великанов, но присмотрелась и усомнилась в своих выводах. Варвары с севера были беловолосыми, светлокожими, с бледно-голубыми глазами; этот же мужчина был загорелый, зеленоглазый и носил на голове гхутру – серый хлопковый платок, полностью закрывавший волосы или наголо бритую голову. Так защищались от солнца пустынные Мессы, и Герика, поколебавшись, все же решила, что спутник Искандера – южанин. Да и одет он был, как прочие танарийцы, в легкую походную форму и плащ. Одно лишь вызвало у неё беспокойство: взгляд, который мужчина то и дело бросал по сторонам, на внутреннее убранство храма, на привязанных в стороне лошадей и особенно – на проходивших мимо женщин.

Это был цепкий и внимательный взгляд хищника.

Все-таки Герике удалось взять себя в руки. По крайней мере, когда царь Танарии подошел ближе, у неё хватило сил отлепиться от колонны и встать на свое место позади старших жриц.

Искандер сдержанно поклонился Сефире. Воины царя последовали его примеру.

– Да пребудет с вами благословение Великой Богини, государь, – проговорила атемис, слегка наклонив голову в ответ. – Здесь всегда рады гостям, какие бы дороги ни привели их сюда.

– Это всем известно, – глубокий и бархатный, как у большинства южан, голос мужчины ласкал слух, но Герика сразу почувствовала, что он может звучать совершенно иначе: жестко и властно. – Мы не первый день в пути, у нас закончились вода и провизия. Позвольте ли нам переждать жару, пополнить запасы и обратиться к Тривии с просьбой?

Сефира окинула его внимательным взглядом, но ответила вполне ожидаемо:

– Это честь для нас, государь. Разделите с нами кров, хлеб и милость Великой Богини. Отдохните с дороги и помолитесь, а сестры напоят ваших лошадей и наполнят походные мешки. Мелья, – Верховная жрица обернулась, и Герика с ужасом поняла, что она обращается к ней, – проводи наших гостей туда, где они могут оставить оружие и смыть дорожную пыль.

Поборов оцепенение, девушка вышла вперед, поклонилась государю, его сопровождающим и жестом предложила им следовать за ней в помещения для постояльцев. Всю дорогу она терялась в догадках: почему Сефира выбрала именно ее? Жрица, связанная обетом молчания,

менее всего подходит на роль провожатой. Особенно для почетного гостя, носящего царский венец.

Она провела мужчин в северное крыло обходной галереи, в помещение с выходящими в сад окнами, убранство которого говорило о том, что здесь останавливаются люди высокого положения. Искандер вошел внутрь, огляделся, неторопливо снял плащ и пояс с ножами. Один из спутников помог царю расстегнуть кожаный доспех. Герика ненадолго вышла, чтобы распорядиться насчет питьевой воды и принадлежностей для умывания, а когда вернулась, быстро что-то написала на дощечке и с легким поклоном протянула её царю.

– «Могу ли я еще чем-нибудь помочь вам, государь?» – прочитал он вслух и усмехнулся, возвращая дощечку жрице: – Благодарю, больше ничего не нужно. Передай своей госпоже, что я хотел бы переговорить с ней сразу после того, как покину святилище.

Герика кивнула, бросила быстрый внимательный взгляд на мужчин и бесшумно удалилась.

Как только девушка вышла, Искандер плотно прикрыл за ней дверь, выждал немного, прислушиваясь к удаляющимся шагам, а потом повернулся к своему рослому спутнику и тихо спросил:

– Ну, что скажешь, Кромхарт?

– Жарко в клятом платке, – поморщился тот и поскреб в затылке. – И дует снизу. Не понимаю, как вы ходите без штанов и в платье. Это же бабская одежда!

Искандер рассмеялся:

– Это не платье, а мужская туника. Я не понимаю другого: как в такую жару ваши причиндалы не спекаются в кожаных штанах, а, Рагнар?

– Провались ты, – дружелюбно отозвался тот, кого звали Рагнаром, и с наслаждением отхлебнул прохладной воды из кувшина. Искандер хотел было сказать ему, что эта вода предназначена не для питья, а для омовения рук, но передумал.

В дверь постучали. Младшие жрицы принесли тазы для умывания, полотенца, корзину со свежими фруктами, большую бутылку разбавленного вина и ушли, многозначительно переглядываясь и хихикая. Но уставшим с дороги воинам было не до заигрываний с девчонками, а царь в их сторону даже не повернул головы. Пока его люди с наслаждением смывали с себя пыль и пот, он подошел и встал у окна, задумчиво глядя на пышно цветущий сад. Подобные мгновения в его жизни были на вес золота – потому что заканчивались быстро, а повторялись редко. Слишком редко.

Мимо окна, что-то негромко напевая, прошла девушка с венком из белых цветов в руках. Она вплетала последние стебельки, поэтому не смотрела по сторонам и не заметила стоящего неподалеку царя. Судя по простой, незатейливо украшенной тунике, это была одна из паломниц; её длинные пепельные волосы спускались до самых бедер. Кажется, она была красива – Искандер не успел разглядеть лицо; впрочем, в шестнадцать-семнадцать лет все девушки прекрасны, словно только что распутившиеся цветы. Но не её красота и юность оставили след в его душе: ему вдруг показалось, что это проходит мимо жизнь, спокойная, беззаботная и счастливая, такая, какой у него давно уже нет и, скорее всего, никогда не будет...

Рядом с царем бесшумно возник его рослый приятель. Несколько мгновений он провожал взглядом девушку, а потом наклонился к его уху и прошептал:

– Это она.

– С чего ты взял? – нахмурился Искандер.

– Пока ты пялился на девчонку, я смотрел на её сандалии. Они расшиты золотом и стоят столько же, сколько моя лошадь.

Какое-то время царь молчал. Потом велел своим спутникам ждать его здесь, накинул плащ и отправился в святилище Тривии.

Не то, чтобы Рагнару Кромхарту слова танарийского государя были не указ, но сидеть и ждать в четырех стенах он считал скучным и утомительным занятием, а потому, вскоре после его ухода, взял и вышел во двор, чтобы побродить по округе и посмотреть, как и что тут устроено. Он никогда раньше не был в храмах, подобных этому, и все, что здесь происходило, вызывало у него любопытство. А любопытство и похоть, как говорил отец, нужно удовлетворять как можно скорее.

– Эй, воин, куда ты? – окликнул его девичий голос, когда он собрался было пройти в южную галерею. – Мужчинам запрещено сюда входить!

Он обернулся. Стоящая перед ним девушка в темно-серой тунике была симпатичной: каштановые волосы, блестящие карие глаза, игривая улыбка.

– Здесь живут непосвященные сестры, – пояснила она. – Ты разве не знал?

Рагнар покачал головой.

– Ты прибыл издалека? Впервые в нашем храме? – Он кивнул, и девушка задумчиво оглядела его. – Хочешь, расскажу, что тут есть интересного?

Он снова кивнул, и юная жрица увлекла его за собой, без усталости болтая о том, насколько древний этот храм Тривии, сколько мастеров его строило, сколько в нем помещений и разных святынь. Рагнар слушал её и удивлялся, но не истории храма, а способности южных женщин так долго и много говорить.

– А здесь находится источник, который дает силу мужчинам, – девушка показала ему замшелый фонтан, огороженный от сада полукруглой стеной. – У тебя и так её хоть отбавляй... но все равно попробуй, она хорошо утоляет жажду. – Непосвященная зачерпнула воду глиняной кружкой и протянула её мужчине. Девичья ладонь при этом недвусмысленно скользнула по его руке, но Рагнар сделал вид, что ничего не заметил, и неторопливо сделал пару глотков.

– Послушай, – девушка смущенно взглянула на него из-под ресниц, и щеки её покраснели румянцем. – В храме нас обучают многим вещам, в том числе – как обходиться с мужчиной. Мое время пришло: атикайя сказала, что я могу выбрать, с кем провести ночь. Ты красив и силен... ты мне нравишься. Скажи, ты согласишься бы... ну... – она слегка прикусила губу и снова опустила глаза.

Рагнар удивленно приподнял бровь, а потом с явным интересом прошелся взглядом по фигуре девушки. Взгляда ему показалось мало, и он провел ладонью по её обнаженной руке. Кожа нежная, гладкая... а в других местах наверняка еще нежнее и мягче. Он стиснул зубы.

Нет, нельзя. Они пришли сюда не за этим.

Девушка приподнялась на носочки, кончиками пальцев дотронулась до его щеки – не очень уверенно, но ласково. Как же давно его не касалась женская рука... Рагнар огляделся и, поняв, что вокруг никого нет, резким движением притянул к себе девушку и впился губами в её губы. В первый миг она едва не задохнулась, но потом обвила его шею руками и ответила на поцелуй. Похоже, целовалась она впервые, неумело, но увлеченно, и Рагнар подумал: почему бы и нет? Ведь она сама попросила.

Девственнице много не надо: подхватить на руки, прижать к стене, задрать ей тунику и раздвинуть ноги... а потом заткнуть рот поцелуем, чтобы не вздумала кричать. Ничего, потерпит. В конце концов, больно бывает только в первый раз.

Клятая «бабская одежда» оказалась гораздо удобнее, чем штаны: не пришлось ничего снимать... Когда все закончилось, Рагнар, отдышавшись, медленно разжал объятия и поставил девушку на землю. Она вытирала слезы и смотрела на него с возмущением и злостью.

– Ты... ты... – всхлипывала она. – Ты мерзкое животное! Это должно было произойти не здесь и не так!

Он пожал плечами и отряхнул спереди тунику. Интересно, чего она ждала? Что женщинами становятся как-то по-другому? Чего ей наплели эти полоумные жрицы?

Девчонка, с трудом сдерживая рыдания, заковыляла к фонтану, и Рагнар решил, что лучше оставить её одну. Ничего страшного, потом еще не раз вспомнит его добрым словом, когда познает слащавых мягкотелых южан. А ему пора возвращаться... и хорошо, если о том, что здесь произошло, не узнает царь Искандер.

4

Пламя свечей дрожало, и бронзовый лик Тривии то озарялся светом, то погружался в тень. Искандер смотрел на Великую Богиню, и в полумраке ему чудилось, что ответный её взгляд полон сдержанного гнева. Что ж, справедливо. Он это заслужил.

– Я не принес дары, чтобы ты не решила, будто я хочу купить твою милость и снисхождение, – еле слышно проговорил он. – Я сделал то, что сделал, и не горжусь этим. А то, как я вынужден поступить сейчас... Ты же знаешь, у меня нет выбора. Загляни в мою душу, прошу тебя, и не спеши осуждать. Мои силы не бесконечны, но я должен во что бы то ни стало защитить свою землю...

И если бы только свою!

В памяти всплыло его злополучное выступление на последнем консулате правителей, по традиции собиравшемся дважды в год, осенью и весной, в одной из столиц. Тогда венценосных гостей принимал у себя государь Шантии, которого более всего волновали участвовавшие набеги северян, пересекавших пролив в самом узком месте, недалеко от истока Первого Зубца, и грабивших прибрежные поселения, поэтому все разговоры велись преимущественно об этом. Да, именно неторопливые светские разговоры за уставленным изысканными угощениями столом, перемежаемые пустыми и праздными тостами – вспомнив подробности, Искандер снова ощутил, как в душе пробуждаются обида и холодная ярость. Этим царственным мужам, спокойным и сытым, не было дела до того, что уже много лет происходило в Танарии. Несмотря на то, что на каждом консулате он пытался рассказать им – и просил о поддержке, потому что их спокойствие и сытость напрямую зависели от того, сколько еще танарийские войска продержатся на границе с Мессой.

Он и в тот раз, выбрав подходящий момент, завел разговор о союзе, о необходимости объединения перед растущей угрозой с дальнего юга и о взаимопомощи – для общего блага. Напомнил о том, что его люди погибают, силы иссякают, а пустынные продолжают расширять свою территорию, вытесняя танарийцев с собственных земель и постепенно продвигаясь к устью Трезубца. Возможность сплавляться вверх по великой реке, чье русло вместе с притоками охватывало весь полуостров, ставило под удар, в первую очередь, Баасийское царство и Синтар – их правители были единственными, кого слова Искандера не оставили равнодушными. Остальные же – государи Зиона, Хемея, Истры, Фарагона и Лодоса – вежливо выслушали его и вернулись к застольным беседам. А кадокийский царь Ангус вообще, похоже, не слушал, что-то вполголоса обсуждая с государем Эфрана.

– Неужели вы не понимаете, – потеряв терпение, Искандер встал со своего места и повысил голос, – что без помощи других государств – вашей помощи! – Танария долго не продержится?! Вспомните Имранское царство, которое находилось южнее Танарии. Где оно сейчас? Где белокаменные стены его столицы, цветущие сады и плодородные земли? Их больше нет. Память о них заросла степными травами, а сады и пашни вытоптаны лошадьми. Мы тоже потеряли часть земель...

– ...которых у вас и так слишком много, – хмыкнул государь Фарагона, и прочие согласно закивали. – Танарийскому царству по размеру не уступает только Кадокия, остальные же государства вдвое, а то и втрое меньше. Чем же мы можем помочь?

– К тому же, – подал голос владыка Эфрана, – вы с лихвой возместили свои потери, подмяв под себя Тиррен. Как благородно – воспользоваться тем, что малолетний царевич слишком доверчив и легко попадает под чужое влияние!

– Я не захватывал Тиррен, – Искандер старался, чтобы голос его звучал спокойно и сдержанно, хотя от злости готов был сорваться на крик. – Мы заключили союз, ибо двенадцатилетний мальчишка оказался более дальновидным, чем убеленные сединами мужи, собравшиеся здесь.

– Теперь у вас есть тирренское войско, – усмехнулся царь Лодоса, едва умещавшийся в кресле. И развел в стороны полные, холеные руки: – Что еще вам нужно?

– Похоже, мы обречены из года в год, собираясь здесь, выслушивать его жалобы и нытье, – сказал государь Эфрана, и все засмеялись. – Как будто у нас нет иных забот!

Искандер стиснул край столешницы так, что, будь она деревянной, а не мраморной, отломил бы кусок. Но не ответил на оскорбление и молча сел на место. Ему нестерпимо хотелось уйти и не тратить время на уговоры, но просто так уходить он не собирался. Танарийцы – народ упрямый, не сдававший позиции ни под ливнями стрел, ни под градом упреков. Тем более – видят боги! – упреков несправедливых.

Идея пришла в голову неожиданно и заставила его улыбнуться. Искандер подозвал слугу, разливавшего в чаши вино, и что-то негромко сказал ему на ухо.

Через какое-то время, когда венценосные гости почти забыли о нем, танарийский царь вновь поднялся с места, вышел в центр зала и остановился перед столами, для удобства поставленными полукругом. Когда все замолчали и уставились на него, Искандер обвел высокое собрание взглядом и проговорил:

– Пожалуй, в чем-то вы правы, поэтому жалоб и нытья с моей стороны больше не будет. Лучше я вам один раз и наглядно объясню положение дел, а там уж решайте сами.

Он подозвал слугу, и тот подал ему большую стеклянную бутылку с длинным горлышком, внутри которой, судя по всему, плескалось вино.

– Представьте себе, – Искандер поднял бутылку повыше, – что это – Месса. – Кто-то за столом фыркнул, некоторые переглянулись и растянули губы в сочувственных улыбках. – Горькая, терпкая, пряная Месса. Бескрайние степи, уставленные походными шатрами, горящие костры. Бесчисленные конные отряды пустынных, быстрые и смертоносные, ведомые в бой умным, хитрым и ненасытным правителем, сумевшим объединить их, пусть не в просвещенное государство, а в дикую орду, но зато – сильную, сплоченную, беспощадную... А это – Танария, – он взял у слуги винную пробку и поглубже забил её в горлышко. В зале послышались смешки. – Земля моих предков, волей судьбы расположенная на узком перешейке, омываемом двумя морями. Единственное препятствие между вашими землями, давно не знавшими войн, и бурлящей, обжигающей Мессой.

Искандер хорошенько встряхнул бутылку – раз, другой, третий. А потом снова поднял её, чтобы все увидели, как под давлением потревоженного игристого вина пробка неумолимо начала двигаться по горлышку вверх.

Смех в зале становился громче. Но танарийский царь даже не улыбнулся.

– А теперь я покажу, что случится с вами, если Танария падет.

Искандер наклонил бутылку. Буквально через мгновение пробка с громким хлопком вылетела наружу и опрокинула вазу с фруктами, а следом за ней шипящим фонтаном вырвалось красное вино, яркие капли которого разлетелись во все стороны, окрасив потеками светлые стены, светлый пол и безукоризненно белые одежды тех, кто сидел за столами. После того, как бутылка опустела, члены консулата напоминали сборище жертв кровавой оргии.

Несколько мгновений в зале стояла звенящая тишина. Искандер оглядел застывшие, перекошенные лица венценосных мужей, поставил бутылку на пол и выпрямился.

– Это – всё, – сказал он, развернулся и вышел вон.

Вслед ему понеслись возмущенные вопли, ругательства, проклятия, звон разбитой посуды и крики «Позовите охрану!». Искандер через боковые галереи сразу прошел в конюшни и на безмолвный вопрос своих воинов коротко ответил:

– Возвращаемся.

Он думал, что уезжает ни с чем, но на одной из улиц шантйской столицы его догнал молодой курьер и передал письмо.

– Что-нибудь важное, государь? – полюбопытствовал командир фалангеров, видя, как выражение лица Искандера из мрачного становится удивленным и немного задумчивым.

– Да, – помедлив, ответил царь. – Правитель Синтара впечатлен наглядностью моих объяснений. И готов обсудить условия союзного договора...

Бронзовая улыбка Тривии была печальной. Но – понимающей.

– Вряд ли меня пригласят на следующий консулат, – Искандер усмехнулся. – Впрочем, это уже не важно. Столько всего произошло за последние несколько месяцев... Я потерял одного союзника, но взамен случайно обрел другого. И теперь ему нужна моя помощь.

Он вздохнул, опуская взгляд к подножию статуи. И только сейчас заметил лежащий там свежий венок из белых цветов.

5

Герика дождалась, когда танарийский правитель покинет святилище, и жестами попросила его следовать за ней. Атемис Сефира сказала, что поговорит с ним не в зале, где обычно принимали почетных гостей, и даже не в храмовой библиотеке, где беседовали в узком кругу о делах государственной важности, а в своих покоях, куда крайне редко приглашали посторонних и никогда – мужчин, и где чаще всего говорили о том, что не подлежало разглашению. Мелью одолевало любопытство: какие общие секреты могут быть у Верховной жрицы и государя Танарии? Вот если бы можно было хоть краем уха услышать, о чем они станут говорить! Но, увы, присутствовать при разговоре юной жрице не позволял статус, а подслушивать – совесть.

Сефира уже ждала их – торжественная и, как показалось Герике, напряженная. Но едва девушка повернулась, чтобы уйти и оставить их с Искандером наедине, атемис удивила её еще больше – хотя, казалось бы, больше уже некуда.

– Мелья, – проговорила она и показала на кресло возле дверей: – Остайся.

Герика изумленно застыла на месте и едва не нарушила священный обет молчания – так велико было желание спросить, не ослышалась ли она. Но вовремя опомнилась, поклонилась наставнице и послушно опустилась в кресло.

– Государь, – улыбнулась Сефира, стараясь не смотреть в её сторону, – как Верховная жрица Тривии, принявшая всевидящий божественный дух, я догадываюсь, что привело вас сюда... хотя, признаюсь, всё это немного несвоевременно и я подобное не одобряю, но...

– Вы знаете, зачем я здесь? – Теперь и на лице молодого царя отразилось недоумение. – Вот так новость.

– Разумеется, я должна знать все, что касается моих подопечных, – уверенно проговорила атемис. – Как наместница Матери, радующей о судьбе своих дочерей...

– Царевна Кадокии не служит вашему храму, – перебил её Искандер, и Герика впервые увидела наставницу совершенно растерянной. Сефира непонимающе хлопала глазами, то открывая рот и пытаясь что-то сказать, то вновь беспомощно поджимая губы. И только сейчас до юной жрицы дошло: атемис не знала о вчерашнем приезде Солан. Ни одна из непосвященных, видевших царевну, не сподобилась проболтаться. С одной стороны, хорошо, что девочки

научились держать языки за зубами, с другой – они вместе с Герикой поставили Верховную жрицу в крайне неловкое положение. И наказание за это будет суровым.

– Вы говорите о царевне Солан? – атемис наконец обрела дар речи. – Но она же... её здесь нет.

– Не стоит лгать, – холодно отозвался царь, – особенно в храме Богини возмездия и человеку, который может стать его орудием. Дочь царя Ангуса здесь, мне это точно известно. И я приехал за ней.

Сефира в замешательстве взглянула на притихшую Герика. Испуганные глаза и побледневшее лицо девушки весьма красноречиво ответили на еще не заданный вслух вопрос.

– Это правда, мелья? – Герика виновато кивнула и опустила голову, уже представляя, что сейчас на неё обрушится. Но атемис все еще пыталась понять, что происходит. – Простите, государь, я... Мне не успели сообщить о визите царевны. Клянусь, я не хотела вас обмануть, я лишь подумала... Не важно, – Сефира сделала глубокий вдох, и голос её вновь зазвучал спокойно и уверенно: – Могу я узнать, для чего вам понадобилась девушка?

Искандер помолчал, затем ответил:

– Мне не хотелось бы несколько раз повторять одно и то же. Позовите царевну, и я все объясню.

Верховная жрица пристально посмотрела на него. Потом чуть повернула голову в сторону Герика и, не глядя на нее, велела:

– Приведи сюда Солан.

Мелья вышла из покоев атемис на нетвердых ногах. Сефира никогда не простит ей эту оплошность. Никогда не забудет, что именно из-за Герика она сегодня была уличена во лжи. Неслыханный позор для Верховной жрицы. А Богиня? Девушка уже видела над собой тень занесенного карающего меча. И во всем виновата Солан! Глупая, глупая девчонка! Какие темные ветры погнали её в путь?! В конце концов, могла бы послать письмо с курьером. И для чего, интересно, она понадобилась танарийскому царю? Быть может...

Догадка заставила девушку вздрогнуть.

Ну конечно! Царь Кадокии заключил брачный договор, и теперь правитель Танарии приехал забрать обещанную ему невесту. Что ж, Солан повезло: Искандер молод, красив, судя по всему, неглуп, у него хорошо развитое тело опытного воина. По крайней мере, физического отвращения он не вызывает и, возможно, будет с ней ласков в первую брачную ночь. Не зря же именно его Герика увидела в глубине священной чаши. Да, она была уверена, что это Искандер, потому и отшатнулась в первый момент, увидев его поднимающегося по лестнице. Никогда еще Тривия не являла своих чудес так скоро.

Правда, там был еще один мужчина, но Герика почему-то боялась даже подумать о нем. Хороший подарок судьбы – телохранитель танарийского государя!

Она нашла Солан возле стойла: служанки чистили мерина перед тем, как седлать, а царевна расчесывала его гриву и заплетала в косички.

– Герика! – обрадовалась девушка, увидев подругу. – Ты пришла попрощаться? Паломники из Кадокии отправляются обратно в столицу, и мы едем с ними. Уже скоро.

Мелья покачала головой и взяла в руки дощечку.

«Тебя хочет видеть атемис Сефира, – написала она. – Идём».

– Что произошло? – встревожилась царевна. Отдав гребень служанке, девушка последовала за жрицей. – Верховная недовольна, что я приехала в храм одна? Не думала, что она знает. Я просила сестер не говорить об этом.

«Сефира не знала, – торопливо на ходу писала Герика. – Но в храм прибыл...» – И тут, видимо, от волнения, она слишком сильно нажала на стило. Палочка сломалась, и Герика досадливо поморщилась: писать обломком было невозможно. Солан внимательно наблюдала за ней.

– Кто-то из Кадокии? – тихо спросила она. – Отец узнал обо всем и послал за мной отряд? Герика мотнула головой и выбросила сломанное стиле. Понимая, что жрица не сможет ответить, Солан только вздохнула и прибавила шагу. В покои атемис они обе буквально вбежали... и царевна замерла на пороге. Мужчина, стоявший посреди комнаты, не был знаком ей. Если это не кадокийский курьер и не командир фалангеров, то кто?

Искандер оглядел девушку, остановил взгляд на её сандалиях... и усмехнулся.

– Да устелет Богиня ваш путь лепестками цветов, – вежливо склонила голову Солан, искоса поглядывая на незнакомца. – Атемис, я прошу прощения за то, что скрывала свое появление здесь. Поверьте, у меня были на то причины, и Герика...

– Подойди, дитя, – Верховная жрица, сидевшая на скамье возле окна, указала ей на место рядом с собой. – Сядь и послушай. С тобой хочет поговорить государь Танарии Искандер.

Солан удивленно посмотрела на темноволосого мужчину с такими красивыми и глубокими синими глазами, каких ей еще ни у кого не доводилось видеть. Царь тоже долго разглядывал девушку. Милое, робкое, невинное создание. Совсем не похожее на своего отца.

– Разговор будет не очень приятным, – наконец произнес он. – И мне бы не хотелось, чтобы он закончился плохо.

– Вы меня пугаете, государь, – атемис встретила взглядом с застывшей возле дверей Герикой и положила ладонь на плечо Солан. – Прошу, выражайтесь яснее.

– Хорошо, – Искандер скрестил руки на груди. – Постараюсь быть кратким. Недавно царь Кадокии пригласил в столицу моих союзников якобы для переговоров, но вместо этого захватил их в плен и приговорил к казни.

– Я... ничего не знаю об этом, – Солан широко раскрытыми глазами смотрела то на мужчину, то на Верховную жрицу, то на Герику, и мелька видела, что она растеряна.

– Разумеется. Юных девушек не посвящают в подобные дела: ваш удел – танцы, игра на флейте и искусство поддержания беседы о погоде. Однако ситуация такова, что этих людей необходимо выволить из плена, и вам, царевна, придется мне в этом помочь. У вас есть выбор: поехать со мной добровольно, либо я увезу вас силой.

– Государь! – Сефира поднялась и гневно нахмурила брови: – Вы забываете, что находитесь в храме Тривии. Царевна, как и все остальные паломники, сейчас под его защитой, и я не позволю...

– Сядьте, атемис. – Голос царя стал холодным и опасным, как сталь клинка. – Я ценю ваше мужество, но от этого мое решение не изменится. Да, здесь со мной лишь несколько воинов, но остальное войско и отряд союзников находятся неподалеку и по первому же приказу возьмут храм в кольцо. Как долго вы сможете сопротивляться? Ваши жрицы-воительницы умеют сражаться, но их слишком мало. Большинство дочерей Богини – молодые, неопытные девушки, женщины... подумайте, чем это обернется для них.

Сефира молча смотрела на него, и взгляд её был воистину страшен.

– Вы не боитесь навлечь на себя проклятие Тривии, Искандер? – наконец спросила она. – Выходит, всё, что о вас говорят, это правда? Вы не остановитесь ни перед чем? Для вас нет ничего святого?

– Для меня святы узы дружбы и клятвы союзников, – в тон ей ответил он. – И еще – мое слово. Обещаю, что если царевна поедет со мной, ей нечего будет бояться: я позабочусь о том, чтобы девушке не причинили вреда. Отцу нужна дочь. Мне нужны мои люди. Совершим обмен, и на этом всё.

Перед каждым испытанием, готовящим жриц к очередному Посвящению, Сефира любила повторять, что Богиня проверяет их, но не посылает трудностей больше, чем девушка может выдержать. Обычно так и было, но сейчас Герика впервые усомнилась в словах Верховной, ибо молчать она больше не могла. Не могла, и все тут! её распирало от невысказанных

фраз – оправданий, объяснений, вопросов и просьб, а сломавшееся стило лишило жрицу единственной возможности принять участие в разговоре.

«Великая Богиня, ну почему люди не могут общаться мысленно?!»

– Царевна, я жду вашего решения, – проговорил Искандер. – Вы едете со мной?

Герика всплеснула руками. Какое решение, у бедной девочки просто нет выбора! Так или иначе, её увезут отсюда, и, разумеется, из двух зол она предпочтет меньшее!

Солан мягко убрала со своего плеча руку атемис и поднялась со скамьи. Девушка старалась говорить спокойно, но все в этой комнате видели, как дрожат её губы.

– То, что вы сказали о моем отце... – она мельком взглянула на царя и тут же опустила глаза. – Он... хороший человек, мудрый правитель, и не мог совершить ничего подобного. Либо это ложь, либо... ваши друзья повели себя недостойно и заслужили наказание.

– Слова любящей дочери, – Искандер усмехнулся. – Иного я и не ждал. Но выяснить, как было дело, мы сможем, только если вы согласитесь поехать на встречу с вашим отцом и моими людьми. Поговорим где-нибудь на нейтральной территории, выслушаем обе стороны и примем разумное решение, в результате которого вы, живая и невредимая, вернетесь домой.

– Хорошо, – чуть помедлив, тихо проговорила она. – Если все будет именно так, то... я согласна.

– Искандер, – подала голос Сефира, – это безумие! Молодая, красивая, невинная девушка – среди сотни здоровых, вооруженных мужчин, соскучившихся по женской ласке! Поверьте моему опыту: вы не успеете отвернуться, как какой-нибудь фалангер...

– Полагаете, я не способен навести порядок в собственном войске? – нахмурился царь. – Танарийские воины – не сборище дикарей, они соблюдают дисциплину и не бросаются на женщин, словно одержимые похотью животные. К тому же я дал слово, что верну царевну отцу в целости и сохранности... конечно, если она не успела утратить целостность по дороге сюда.

Он снова усмехнулся, и переполненная возмущением атемис вскочила со скамьи, готовая защищать честь своей подопечной. Но Солан мягко остановила ее. Она не считала себя оскорбленной, а глупые шутки её с детства учили пропускать мимо ушей.

Герика, потеряв терпение, направилась к столу Верховной, порылась в лежащих там пергаменты и со вздохом облегчения вытащила новое стило. А потом что-то быстро написала на дощечке и показала Сефире.

– Мелья считает, что я должна отправить с царевной нескольких жриц-воительниц, – сказала атемис. – Они составят девушке компанию в пути и проследят за тем, чтобы никто не пытался нарушить данное вами обещание.

Герика сдвинула брови и постучала палочкой по дощечке. Но Сефира в ответ покачала головой и перевела взгляд на Искандера:

– Вы согласны?

Танарийский царь пожал плечами и кивнул.

– Разумное решение, – проговорила Верховная, не обращая внимания на безмолвное возмущение Герика. – В таком случае, государь, мне понадобится время, чтобы отобрать жриц, которые будут сопровождать царевну. Солан тоже нужно собраться в дорогу. Да и вам, думаю, ни к чему лишняя шумиха. Когда солнце начнет садиться, паломники покинут храм, и вы сможете спокойно уехать. А пока... мелья, проводи нашего гостя и его спутников в трапезную, пусть они подкрепят силы. И проверь, чтобы младшие жрицы позаботились об их лошадях.

– И вот еще что, – царь повернулся к Сефире. – Не нужно никому посылать вестей. Сейчас это только усложнит дело.

– Но как же государь Ангус узнает, что... – атемис растерялась. – Мне придется сообщить ему, иначе, боюсь, он заподозрит меня в сговоре с вами и его гнев обрушится на наш храм. А в том, что он разгневается, я даже не сомневаюсь, – она многозначительно посмотрела на Солан, и та опустила глаза, но потом вновь подняла их:

– Я могу написать отцу, если позволите. Но не стану ни в чем его обвинять, пока не узнаю правду.

– Об этом мы еще успеем поговорить, царевна. Пока же я буду ждать вас у ворот храма после захода солнца, – Искандер прищурился: – Только не вздумайте меня обмануть.

– Я, как и вы, дала слово, – напомнила ему девушка.

Царь склонил голову в знак того, что разговор окончен, и в сопровождении хмурой и недовольной Герики покинул комнату. Некоторое время царевна молча глядела ему вслед. Она не могла собраться с мыслями: все произошло настолько быстро и неожиданно, что она растерялась и погрузилась в какую-то апатию. Сефира обняла ее, по-матерински прижала к себе, но девушка даже не шевельнулась. Только тихо спросила:

– Думаете, ему можно доверять?

– Не знаю, дитя, – отозвалась Верховная жрица. – Но что нам еще остается?

Узнав от своей госпожи о предстоящем походе, служанки переглянулись и пошли собирать вещи. Похоже, они, в отличие от Солан, ничего не боялись – или просто не понимали всей серьезности происходящего.

Девушка осталась одна возле поседланного мерина. Но ненадолго: прибежала Герика и протянула ей сверху донизу исписанную дощечку.

«Я просила Сефиру отпустить меня с тобой, но она даже не озвучила мою просьбу. Ты дорога мне, как сестра, я люблю тебя и готова в трудную минуту быть рядом. Только скажи – и я покину храм, несмотря на запрет Верховной жрицы, потому что вместе мы справимся с любой бедой».

– Не нужно, Герика, – мягко улыбнулась Солан, возвращая дощечку. – Тебе совсем немного осталось до следующей ступени Посвящения. В храме ты в безопасности. Если царь и правда всего лишь отвезет меня в Кадокию и обменяет на своих людей, то мне ничего не грозит... разве что гнев отца, но это не так страшно. Оставайся. Я справлюсь.

Мелья вздохнула, обняла подругу, а потом, совершенно расстроенная, отправилась в святилище. Нет суровее наказания, чем всем сердцем желать помочь близкому человеку – и не иметь возможности это сделать. Или когда твоя помощь этому человеку по какой-то причине не нужна.

Сначала Дегина ужасно злилась на незнакомца, который так грубо взял ее, без долгих прелюдий и предварительных ласк, о которых она мечтала. Но потом боль утихла, а глаза других младших жриц, которым она изливала обиду вперемешку с подробностями, светились такой откровенной завистью, что девушка подумала, что, наверное, была не совсем справедлива к своему первому мужчине. А когда начала вспоминать его жадные поцелуи, сильные ладони у себя на бедрах и что-то восхитительно твердое и горячее внутри, то, к своему ужасу и удивлению, поняла, что ей хочется испытать все это еще раз. И желательно прямо сегодня.

Она стала расспрашивать о незнакомце во дворе, надеясь, что он еще не покинул храм, и кто-то из девчонок указал ей на особые покои для почетных гостей. Это только подогрело её любопытство – и желание. Заглянуть в дверь Дегина не решилась, поэтому обошла галерею со стороны сада и осторожно приблизилась к открытому окну. Двое мужчин стояли в комнате к ней спиной, и в одном из них она узнала своего случайного любовника.

– По-моему, все складывается неплохо, – задумчиво проговорил второй, с длинными темными волосами. – Я ожидал худшего.

И тут Дегина впервые услышала голос того, кого поначалу сочла лишенным дара речи:

– Ты сказал, мы заберем царевну и уйдем. Вместо этого нам навязали еще нескольких баб, которым не место среди воинов. Это, по-твоему, неплохо? А ведь я предлагал дождаться

ночи: в темноте я и мои люди запросто пробрались бы в клятый храм и выкрали бы царевну без лишнего шума!

По спине девушки пробежал холодок, и она на цыпочках попятилась от окна. Рослый незнакомец, притворявшийся немым, совершенно свободно разговаривал на языке южан, но в каждом его слове явственно звучал характерный и многим известный грубоватый говор северных варваров.

6

Вернувшись в свои покои после беседы с наставницей жриц-воительниц, Сефира устало опустилась в кресло и уронила голову на руки. Кто бы мог подумать, что этот день выдастся таким трудным! Ничто не предвещало беды, и утренняя улыбка Богини, посланная ей, была светлой и ласковой, а потом... словно темные ветры принесли сюда танарийского царя, и все завертелось, рассыпалось, разразилось громом и молнией. Впрочем, нет: гром и молнии будут позже, когда сюда явится государь Ангус и потребует объяснить, почему она, Верховная жрица Тривии, ничего не сделала для спасения его единственной дочери.

А что она могла сделать? Нет, в самом деле, что?

Слава Богине, все обошлось и решилось более-менее мирным путем. Что бы там ни говорили об Искандере, он человек чести и сдержит слово. Девочка будет в безопасности, и тогда царю Ангусу не придется...

Снаружи послышался топот, дверь распахнулась, и в покои атемис ворвалась красная, запыхавшаяся атикайя Джива.

– Что еще случилось?! – Сефира страдальчески заломила брови.

– Госпожа, – вытирая лоб рукавом, прохрипела жрица и вытолкнула вперед одну из непосвященных, – вы только послушайте, что болтает эта девчонка!

Солнце садилось, и толпа паломников во дворе храма заметно поредела. Когда светило скроется за истрийскими холмами, последние «серые плащи» выйдут за ворота и те закроются за ними с протяжным скрипом. Накануне вечером Солан слышала этот скрип, лежа в уютной постели в маленькой комнатке Герики, и, когда створы шумно захлопнулись, улыбнулась, ощущая себя в безопасности. Сегодня все будет иначе. Когда ворота закроются, она останется снаружи, среди чужеземцев, незнакомых, опасных, и только Богиня знает, где и как ей придется спать в эту ночь... Солан вздохнула, наклонилась и подставила деревянную флягу под тонкую струйку, бежавшую из фонтана. Нужно набрать побольше воды и еды, взять с собой теплые одеяла и не забыть щетки и гребень для конской гривы. Что еще обычно берут в дорогу? Царевна не знала. Её вещами и припасами всегда занимались служанки.

Услышав шаги, девушка выпрямилась и увидела быстро идущую, почти бегущую к ней Сефиру, которую сопровождали четверо вооруженных жриц, высоких, коротко стриженных, в одинаковых темно-синих туниках с разрезами по бокам. Солан не успела и рта раскрыть, как атемис схватила её за руку и шепотом приказала:

– Следуй за мной.

Они поднялись по ступеням в святилище, а оттуда по узкому коридору прошли к лестнице, ведущей в подвальные помещения храма. Спустившись вниз, Сефира зажгла факел и передала его одной из девушек.

– Куда мы идем? – не выдержала царевна. – Что происходит?

Верховная подошла ближе и мягко коснулась её щеки.

– Под возвышенностью, на которой стоит храм, есть проход, ведущий на берег Второго Зубца. Там спрятаны лодки. Жрицы переправят тебя в Кадокию, а потом проведут до столицы.

Путь неблизкий, но мы приготовили все, что необходимо. Ты должна уходить отсюда, Солан, и уходить немедленно.

– Подождите, – сбитая с толку девушка отступила на шаг. – Я не понимаю...

Вниз по ступеням сбежала пятая жрица, самая молодая, смуглолицая, с миндалевидными глазами и пышной шапкой коротких черных кудрей.

– Атемис, служанок царевны нигде нет, – доложила она. – Их вещей тоже нет. Я обыскала двор и все помещения. Похоже, они сбежали.

– Спасибо, Тайлин, – Сефира вздохнула. – Выходит, они оказались прозорливее всех... Послушай, Солан, танарийский царь лишился разума и заключил союз с северянами. Скажу больше: он привел сюда одного из них, и этот мерзавец успел надругаться над непосвященной. Я не знаю, что Искандер задумал, но он лгал, обещая заботиться о твоей безопасности. Значит, и ты можешь забыть о данном ему слове.

– Нет, – покачала головой Солан, – если и я нарушу обещание, данное в храме Тривии, Богиня покарает нас обоих. Я должна...

– Девочка, ты понимаешь, кто такие северные варвары? – жестко оборвала её Сефира. – Знаешь, как они поступают с женщинами? Можешь представить, что чувствует девственница, когда её насилюют двое, трое мужчин – по очереди или одновременно? – Солан испуганно распахнула глаза. – А вот я знаю, – Верховная горько усмехнулась. – Я родилась на границе Зиона и Истры, наше поместье находилось за Первым Зубцом, но однажды они добрались и туда... Мне было шестнадцать, и моих первых мужчин было четверо. А моей младшей сестре – всего десять. – Она замолчала, отвернулась, а потом уже ровным голосом договорила: – Насилие – самое страшное, что может случиться с женщиной. Это не только физическая боль, но и ощущение, будто твою душу извляли в грязи. И ты никогда её не отмоешь, как и память – от тяжелых воспоминаний. Поверь мне, дитя, и беги, не теряй драгоценное время.

– А как же вы? – робко спросила девушка. – Когда царь обо всем узнает, он не обрушит свой гнев на вас?

– О нет! – усмехнулась Сефира – на этот раз торжествующе. – Теперь я – Верховная жрица Тривии, и больше ни один мужчина на свете не причинит мне вред!

Герика стояла на коленях перед статуей Тривии в полном смятении. Впервые она не знала, о чем просить, и не понимала, что происходит в её жизни. Кусочки мозаики никак не хотели складываться в единую картину. Что означали увиденные ею в священной чаше пламя и кровь? Почему атемис Сефира сегодня так странно себя вела? И эти двое мужчин – кто они для неё и для Солан? Какую роль они должны сыграть в судьбах друг друга?

Жрица прижалась лбом к холодному постаменту, стараясь успокоиться и собраться с мыслями. Но вместо этого ей хотелось разреветься, как маленькой беспомощной девочке.

«Великая Тривия, не покинь меня, укажи мне путь в минуты отчаяния!»

Она подняла на богиню влажные, умоляющие глаза. Но бронзовый лик был спокойным, даже отрешенным, и Герика вздохнула.

«Что ж, значит, придется распутывать все самой... Прости, что потревожила тебя глупыми жалобами. Я уже не ребенок и должна быть сильной. Пойду лучше поговорю с Солан, подбодрю её – и попрощаюсь. Вряд ли теперь мы с ней скоро увидимся».

Уходя, девушка мельком оглянулась. И отчего-то ей померещилась странная, немного лукавая улыбка на губах Великой Богини.

Она не нашла ни царевну, ни её служанок, ни их вещей. Только соловый мерин стоял на том же месте у стойла, лениво переминаясь с ноги на ногу и встряхивая недоплетенной гривой. «Неужели уже уехали?» – удивилась Герика, но потом покачала головой: вряд ли царевна

отправилась бы в Кадокию пешком. Её конь был старым и толстым, но удивительно добрым. Девушка любила его и ни за что не бросила бы.

Нехорошее предчувствие сжало её сердце, но Герика успокоила себя мыслью о том, что, вероятно, атемис велела Солан и её служанкам прийти к ней за благословением или последними наставлениями. Поколебавшись, мелья направилась к Верховной жрице.

Дверь в её покои была приоткрыта. Прежде, чем постучать, Герика на всякий случай осторожно глянула внутрь... и обомлела. Атемис Сефира, расслабленно откинувшись в кресле, пила вино. Не разбавленное для церемоний или подачи к столу, а настоящее, крепкое и прямо из бутылки. Неужели она совсем не боялась гнева Богини, запрещавшей своим дочерям употреблять хмельные напитки?

Звание мельи не позволяло девушке выказывать недовольство поведением старших жриц, но Герика желала получить объяснение происходящему, поэтому для приличия постучала и, не дожидаясь ответа, вошла. Еще больше её удивило то, что Верховная встретила девушку совершенно спокойно, даже не попытавшись спрятать злополучную бутылку.

– А, это ты, – проговорила она и нахмурилась: – Как же ты подвела меня, Герика! Нужно было немедленно сообщить мне о приезде царевны. Глупое дитя... – Мелья так и не поняла, к кому из них с Солан это относится. – Надеюсь, подобное не повторится, иначе я буду вынуждена наказать тебя и отложить твоё Посвящение.

Девушка покаянно склонила голову, а потом протянула Сефире дощечку.

– Простить тебя? Я прощаю, – кивнула атемис, прочитав написанное. – А проститься с Солан, увы, не получится. Я отправила её домой, в Кадокию, через подземный путь, и дала лучших сопровождающих.

Герика испуганно взглянула на нее. *Великая Тривия... что?!*

– Мне пришлось, – Сефира вздохнула и сделала еще глоток из бутылки. – Девочке грозила опасность. Но теперь уже всё хорошо.

Герика выхватила дощечку из её расслабленных рук и принялась яростно выцарапывать буквы. О боги, если бы только она могла говорить!

– Какая опасность? – Атемис усмехнулась. – Танарийский царь не заслуживает нашего доверия. Тот здоровенный воин, ходивший за ним по пятам, – северянин! Можешь себе представить? Варвар, дикарь, способный лишь убивать и насиловать, не знающий, что такое честь, совесть и жалость. И он не один: Искандер привел сюда целый отряд. Как я могла отпустить с ними царевну?

Мелья смотрела на неё широко раскрытыми, неверящими глазами.

– Спроси у Дегины, – Сефира глотнула еще вина и встряхнула почти опустевшую бутылку. – Непосвященная призналась, что пыталась быть ласковой с тем северянином, а он походя взял её прямо в саду, заткнул ей рот, чтобы она не кричала, а потом... просто ушел, оставив её в одиночестве оплакивать потерянную невинность.

Герика нервно сглотнула.

«Скоро царь узнает об обмане», – написала она, чувствуя, как стило вздрагивает в руке.

– Узнает, – Сефира широко улыбнулась. – Но ворота храма уже будут закрыты, лучницы и копейщицы займут свои позиции, а Солан тем временем переправят на берег Кадокии. И, как бы царь ни был разгневан, он не посмеет ступить на чужую землю или разрушить храм, иначе его настигнет проклятие Тривии и остальные государи объявят ему войну. Искандер, хоть и безумец, но не дурак. Уж поверь мне.

Герика медленно кивнула, забрала дощечку и оставила Верховную наедине с недопитым вином. Дурное предчувствие не покинуло мелью – наоборот, только усилилось. Она постояла в нерешительности, а потом направилась к покоям, где остановился царь. Но там было пусто. С тревожно бьющимся сердцем Герика подошла к еще не закрытым воротам.

– Царь и его спутники недавно уехали, госпожа, – сообщила ей стражница. – Нет, они никого не ждали и очень быстро умчались. Я не знаю, куда.

Герика почувствовала, как у неё холодеют ладони и вдоль спины пробегает дрожь. Но ощущение близкой беды, грозящей Солан, заставило мелью забыть о страхе: больше не раздумывая, она бросилась в святилище, спустилась по лестнице в подземелье и побежала в темноте по узкому каменному коридору. Пару раз девушка споткнулась и упала, ободрала колени, но даже не почувствовала боли, движимая только одним желанием: застать царевну на берегу, вернуть её под защиту храма... Она бежала и молила Богиню о том, чтобы не опоздать, и, когда быстрые ноги вынесли её из тайного хода на пологий песчаный спуск к реке, Герика поняла, что успела.

Но совсем не так, как хотелось ей.

Солнца на берегу уже давно не было, и от воды тянуло вечерней прохладой. Одна из жриц, оглядевшись, нырнула в заросли высокой травы и вскоре вернулась, волоча за собой небольшую лодку.

– Тащи вторую, живо! – велела ей старшая из воительниц, темнокожая Зелия. – Тайлин с царевной сядут в эту, отплывут, а потом...

– Второй лодки нет, – растерянно пожалала плечами жрица. – И весла тоже нет, я все обыскала.

Зелия недовольно хмыкнула и пошла проверять сама. Лодка действительно исчезла, зато остались следы на траве и песке у самой воды. Изучив их, воительница нахмурилась:

– На ней уплыли совсем недавно. Женщина, судя по размеру следов. А судя по тому, что исчезли оба весла, женщин могло быть несколько.

– Они торопились, если гребли двумя веслами сразу, – заметила Тайлин. – Не страшно, Зелия, мы можем грести твоей пелтой.

– Мой щит не предназначен для гребли, – грубо оборвала её старшая. – Бросайте оружие и вещи в лодку: посадим туда царевну, а сами поплывем и будем толкать.

Воительницы немедленно выполнили приказ. Тайлин протянула руку Солан, чтобы помочь девушке забраться в качающуюся на волнах лодку... и тут внезапно они услышали топот множества копыт. Справа и слева из-за холма к ним приближались всадники.

– Искандер, будь он проклят! – прошипела сквозь зубы Зелия. Она метнулась за своим луком, но тут же несколько стрел по самые перья вонзились в землю возле её ног и заставили женщину застыть на месте. Тайлин осторожно придвинулась ближе к царевне и заслонила её собой.

– Быть может, лодка успеет отплыть? Оттолкнем посильнее, а течение подхватит, – прошептала одна из жриц. Но Зелия качнула головой:

– Танарийцы и северяне умеют плавать.

Солан робко выглянула из-за плеча Тайлин. Царь Искандер, суровый и мрачный, ехал на гнедом впереди своего отряда; другой отряд возглавлял тот самый северянин, на губах которого играла насмешливая ухмылка. Следовавшие за ним воины – девушка насчитала их около двадцати – были все как один рослые, беловолосые, голубоглазые. Сефира была права: танарийский государь привел на священную южную землю варваров с севера.

Подъехав ближе, Искандер бросил поводья, спрыгнул на песок и оглядел замерших у кромки воды женщин. Предводитель северян тоже спешил и, недовольно поморщившись, стащил с головы надоевший платок. Густая грива золотистых волос упала ему на плечи.

Именно тогда на берег и выскочила запыхавшаяся от быстрого бега и почти безоружная Герика.

Мелье хватило беглого взгляда, чтобы понять: жрицы не смогут противостоять двум вооруженным отрядам и защитить царевну. В свою очередь, Искандеру тоже хватило мгновения, чтобы узнать Герику и перестать обращать на неё внимание. Еще одна служительница Тривии. К тому же немая.

– Значит, так вы держите слово? – недобро усмехнулся царь, глядя на Солан. – А ведь я вам почти поверил.

Герика отчаянно замахала руками, потом схватила дощечку и принялась быстро писать. Но в её сторону никто не смотрел.

– Не приближайтесь, господин! – хмуро предостерегла Зелия, едва Искандер сделал шаг в сторону царевны. – Мы поклялись защищать девушку и защитим, даже ценой своей жизни, но души многих из вас сумеем забрать с собой!

– Если хоть одна из вас шевельнется, мои лучники превратят всех пятерых в подушки для игл, – предупредил в ответ царь. – Солан теперь моя пленница; пусть подойдет ко мне, а вы стойте спокойно. Потом – убирайтесь.

Зелия бросила взгляд на Тайлин, и Солан почувствовала, как напряглась молодая жрица, закрывавшая её своим телом. *«Неужели они бросятся в атаку? Глупо. Этого нельзя допустить»*, – подумала она и, забыв о страхе, поспешила шагнуть вперед. Но в следующее мгновение Тайлин крепко схватила девушку и прижала к себе – Солан только придушенно пискнула, ощутив, как в шею ей упирается что-то острое. Жрицы придвинулись плотнее друг к другу, и Зелия тихо, но внятно проговорила:

– Если хоть один из вас двинется с места, клянусь, мы убьем царевну.

И без того мрачное лицо Искандера потемнело от гнева. Он смерил Зелию яростным взглядом, и наблюдавшая за ним Герика догадалась, каким будет следующий приказ царя.

Убейте их всех...

Она услышала, как заскрипели натягиваемые луки, и поняла, что сейчас случится непоправимое. И тогда, забыв обо всем, мелья бросилась к танарийскому государю – не для того, чтобы навредить, а всего лишь желая удержать от необдуманного поступка. Но кое-кто понял её намерения по-своему.

Северянин оказался перед ней так неожиданно, что Герика врезалась в него, словно в каменную стену. Зеленые глаза глянули сверху вниз, холодно и насмешливо, и девушка, поняв, что теряет драгоценные мгновения, задохнулась от злости. С каким бы наслаждением она крикнула ему в лицо, чтобы он убирался прочь вместе со своим войском, подальше отсюда, куда угодно, на далекий промерзлый север или в огненные глубины Бездны! Увы, обет, данный Богине, лишил Герику права голоса. Пусть так. Но выплескивать ярость другим способом жрице никто не запрещал.

Некоторое время Рагнар снисходительно наблюдал, как разозленная темноволосая девчонка колотит его по груди – с таким же успехом можно было пытаться разбить кулаками гранитный утес – а потом лениво отпихнул её и усмехнулся, когда она не удержалась на ногах и упала. Вылетевшая из её рук дощечка для письма заинтересовала его больше: он поднял ее, отряхнул и протянул Искандеру:

– Погляди, что там.

Тот нехотя прекратил поединок взглядов с решительно настроенной Зелией, и повисшее в воздухе напряжение немного ослабло. Хотя царевна этого не заметила: хватка Тайлин оставалась по-прежнему крепкой, лезвие ножа холодило кожу. А хуже всего было то, что Солан не могла приказать жрицам отпустить её и дать ей уйти с Искандером. Воительницы подчинялись воле атемис Сефиры, и слова кадокийской девчонки, пусть даже царского рода, для них ничего

не значили. Сейчас она для всех здесь была лишь добычей, ценной вещью, которую стремились заполучить ради достижения своих целей. Не более.

Искандер пробежал глазами по строчкам, в спешке нацарапанным Герикой, и ярость на его лице сменилась недоумением:

– Изнасиловал девушку? Быть этого не может!

– Её звали Дегина, – холодно бросила Зелия. А Герика, успевшая подняться с земли и отряхнуться, в ответ на безмолвный вопрос царя ткнула пальцем в продолжавшего ухмыляться Рагнара.

– Ну, я не спрашивал её имя. Как и она – мое, – пожал плечами северянин.

– Кромхарт! – танарийский царь помрачнел еще больше.

– Вы первым разрушили наше доверие, государь, – добавила Зелия, следя за отчаянно жестикулирующей Герикой. – Вы заключили союз с северянами и привели одного из них под священные своды храма. Вы обещали, что с вами царевна будет в безопасности, но не смогли уследить даже за одним варваром.

– Кромхарт... – сквозь зубы прорычал Искандер.

– Разве атемис могла после этого допустить, чтобы девушка выполнила свою часть уговора? – старшая из воительниц покачала головой. – Прежде чем обвинять её или кого-то из нас, государь, подумайте, насколько честно поступили вы сами.

– Не слушай её, Искандер. Клятые бабы умеют заговаривать зубы. Особенно жрицы, – северянин откинул со лба непослушные волосы и, прищурившись, оглядел каждую из женщин. – Я не брал ту девчонку силой, она отдалась мне сама и хотела этого. Так она сказала. Вырвать бы её лживый язык...

– А тебе – кое-что отрезать, – прошипела Зелия. К счастью, северянин её не услышал.

– Мы заберем царевну живой или мертвой, – продолжил он, подходя ближе. – Хотя живой она мне нравится больше. А остальных я бы убил.

– Рагнар! – повысил голос танарийский царь. Варвар нехотя замолчал и отступил на шаг, что не вызвало одобрения у его воинов. А Искандер повернулся к воительницам и проговорил, устало, но твердо:

– Если вы причините царевне вред, то бесславно погибнете, а атемис Сефира ответит за вас перед царем Ангусом. И Тривии вряд ли понравится, когда её храм сровняют с землей, а Верховную жрицу казнят. Поэтому будет лучше, если вы отпустите девушку, а потом, как и было условлено, отправитесь с нами, чтобы присматривать за ней в пути. Это мое последнее предложение. Другого не будет.

Зелия долго молчала, глядя себе под ноги. Потом подняла голову и еле заметно кивнула. Тайлин тут же отпустила Солан, и девушка, пошатываясь и ощупывая вмятину от лезвия на шее, вышла вперед. Искандер на неё даже не взглянул. Довольный благополучным исходом, он велел своим людям опустить луки, забрался в седло, развернул коня и бросил через плечо:

– Следуйте за мной. И не советую отставать.

– Пешком? – изумилась Солан и растерянно оглянулась на жриц. Но те лишь с недовольным видом смотрели, как двое северян забирают из лодки их оружие, и крепче перетягивали ремешки сандалий, готовясь к длительному переходу.

– А вы полагали, что я прикажу подать носилки? – не оборачиваясь, насмешливо хмыкнул царь и пустил коня рысью.

– Ты тоже пойдешь с ними, – Рагнар подтолкнул Герика к остальным жрицам и свистом подозвал свою лошадь. – Ты забавная. Мне нравится твое лицо и то, что ты не болтлива. – И, уже оказавшись в седле, добавил: – Когда обмен состоится и мы приедем в Танарию, я на тебе женюсь.

Когда Кромхарт, беззаботно посвистывая, поравнялся с едущим во главе отряда царем, Искандер придержал коня и повернулся к союзнику, стараясь сохранять спокойное выражение лица. Пришлось тщательно подбирать слова, чтобы избежать грубости: выходцы из холодной северной страны нрав имели на удивление горячий, только умело скрывали его под маской равнодушия. У Рагнара же, в силу молодости и вспыльчивого характера, маска эта была сплошь в прорехах.

– Тебе весело? – сдержанно осведомился царь, поигрывая плетью. – Ты же едва все не испортил. Если бы чуть меня подвело и я слепо доверился Верховной, царевна была бы уже в Кадокии, а мы с тобой – наварились скорлупой от разбитых яиц², как говорят у меня на родине. Неужели ты забыл о спасении своих людей ради короткой случки?

Рагнар перестал свистеть.

– Ничего я не забыл, – возмутился он. – Чтоб я когда-нибудь променял верного мне человека на бабу... да никогда в жизни! Искандер, ты меня знаешь, я не вру во имя Крома. Та девчонка сама подошла и начала ласкаться. У нас на севере женщины так ведут себя, когда хотят, чтобы их взяли прямо здесь и сейчас.

– Мы не на севере, Кромхарт, – заметил царь.

– Да провалитесь вы с вашими обычаями! – сердито мотнул головой варвар. – Трудно помнить о них, когда тебя гладит красивая баба, а твой член после долгого воздержания едва не упирается в подбородок! Что я должен был, по-твоему, делать? Бросить её и бежать в кусты, чтобы подрочить? Так там и кустов-то не было.

– Кромхарт, – поморщился Искандер, – прошу, избавь меня от подробностей!

Северянин захохотал и тряхнул, словно жеребец, своей золотистой нечесаной гривой. Царь только глубоко вздохнул и мысленно попросил у богов побольше терпения.

– Интересно, как она поняла, что я тот, кто я есть? – Рагнар задумался. – Как ты и велел, я ни слова не произнес, даже когда трахался. Может, южные мужчины делают это иначе? Но та девчонка еще не знала мужчин. – Он стиснул зубы, вспоминая, какая она была горячая, узкая, как восхитительно пахла и как мило пыталась вырваться из его объятий... Рагнар с удовольствием поделился бы этими воспоминаниями с другом, но увидел лицо Искандера, кашлянул и промолчал.

– Это уже не важно, – танариец обернулся и оглядел следующих за ним всадников, пытаясь рассмотреть сквозь завесу поднятой ими пыли несколько фигурок, бредущих в самом конце. – Меня больше интересует другое. Ты был против присутствия женщин в отряде и возмущался тем, что царевну будут сопровождать несколько жриц. – Рагнар кивнул. – Тогда какого... зачем ты прихватил по дороге еще одну, эту несчастную немую девчонку?! – царь с трудом сдержался, чтобы не наорать на него. – Судя по облачению и отсутствию вещей, она не собиралась бежать с остальными. Просто оказалась на берегу в неподходящее время. Зачем она тебе понадобилась?!

– Для ровного счета, – хмыкнул варвар, быстро и незаметно пересчитав по пальцам. – Семь – священное число Крома.

– Не ври во имя своего бога!

– Ну ладно. Если бы мы её отпустили, она вернулась бы и сообщила Верховной, что мы забрали царевну. А та немедленно доложила бы клятому Ангусу или еще кому. Храм-то стоит на ничьей земле, принадлежащей только храму, но любое из соседних царств откликнется на зов ради благословения Тривии, ты сам говорил.

– Сефира все равно скоро узнает, – вздохнул Искандер. – Может, не сегодня, но отсутствие девчонки заметят: она носит звание мельи и занимает среди жриц не последнее место.

---

² Танарийский аналог выражения «остались у разбитого корыта».

Но, при любом раскладе, мы бы успели переправиться через реку и оказаться на баасийской земле. Нужно было оставить девушку, Рагнар. Еще не поздно, мы можем её вернуть...

Варвар упрямо помотал головой:

– Нет. Я её выбрал.

Искандер удивленно приподнял бровь:

– Выбрал? Для чего, Кромхарт? Только не говори, что ваш бог требует человеческих жертв и предпочитает немых темноволосых девственниц, посвятивших себя южной Богине!

– Ни хрена они не девственницы, эти клятые жрицы, – хмуро проговорил Рагнар. – Их учат разным вещам, а потом заставляют терять невинность в объятиях первого встречного ради какого-то там Посвящения. Находишь мы на севере, я, как будущий муж, был бы обязан найти этого *rascalle*³ и вырвать ему ноги во имя Крома. Но мы не на севере, как ты верно заметил. Это многое упрощает.

Некоторое время танарийский царь озадаченно молчал. Потом уточнил:

– Ты что же, собрался взять жрицу в жены?

– Ну да, – варвар пожал плечами. – Она мне нравится. Красивое лицо, упругие сиськи, кожа белая, как у настоящей северянки. И характер подходящий. Но самое главное – она немая, и это большая удача: не будет болтать, как все остальные бабы. Поверь, ничто так не бесит мужчину в его собственном доме, как клятая женская болтовня.

– Кромхарт, ты хочешь жениться на девушке из-за её недостатка?! – поразился Искандер. – Неужели на севере для тебя не нашлось более достойной спутницы? И разве можно связывать свою судьбу вот так, мимоходом, в дороге, со случайно приглянувшейся женщиной?!

– А что такого? – не понял его удивления Рагнар. – Мой отец именно так и сделал. Во время набега на поселение он увидел девчонку-южанку, рыжеволосую, с зелеными глазами, взял её в плен и увез на север, в Кромхельд. Поначалу она пыталась бежать, пробовала убить его и себя, а потом привыкла. Родила ему детей. Отец очень любил ее, и мать его полюбила, да так сильно, что не пожелала жить, когда в одном из набегов отец погиб. Я помню костер, на котором они лежали вместе, – северянин вздохнул. – Это было очень красиво. Моя мать была лучшей из всех жен, которых я знал.

– У тебя может не получиться так, как вышло у твоего отца, – помолчав, заметил Искандер. – На юге другие люди, другие обычаи. Нельзя полагаться на волю слепого случая.

– Случай тут ни при чем, – перебил его Рагнар. – Я знаю, как выбирать женщину, отец меня научил. Если ты смотришь на незнакомую пока что девчонку и вдруг понимаешь, что больше всего на свете хочешь... нет, не поцеловать её или трахнуть, а увидеть однажды, как она кормит грудью твоего сына, это и есть судьба. Такую и надо брать в жены. Вот я и возьму.

Северянин толкнул коня в бок, и тот, поплясав на месте, двинулся вперед прибавленной рысью. Искандер молча смотрел им вслед и впервые не знал, что ответить.

Он мог бы сказать, что судьба – очень странная штука, и что истории с похожим началом могут закончиться совершенно по-разному.

Он мог рассказать, что женщину можно заставить покориться, но полюбить – никогда. Даже если осыпать её золотом, окружить заботой, отдать ей свое сердце и разделить с ней трон.

Он мог поведать ему, что нежные, но наполненные ложью слова так же опасны, как яд, незаметно подмешанный в пищу.

Он мог поделиться воспоминаниями о том, как срывался его голос, когда он зачитывал смертный приговор той, которую любил больше жизни. И как дрожала его рука, сжимавшая меч, призванный привести приговор в исполнение...

Но танарийский царь не стал ничего рассказывать. Всесильные боги каждому дадут свой урок и каждому воздадут по заслугам.

---

³ Грубое ругательство на языке северян, унижающее мужское достоинство.

Хочется верить, что однажды они не забудут и про него.

8

Сандалии Солан, расшитые бисером и золотой нитью, были мягкими, удобными, но совершенно не приспособленными для долгой ходьбы по неровной и каменистой местности: солнце еще не успело опуститься за горизонт, как на них лопнули ремешки, обхватывающие ступни.

– Я не могу идти дальше, – девушка остановилась и беспомощно огляделась. – Не босиком же, в самом деле...

Герика, а потом Зелия попытались помочь и кое-как соединили тонкие полоски кожи, но не успела царевна сделать и сотню шагов, как начали рваться другие. Герике и самой приходилось туго: её обувь была слишком открытой, домашней, и потому в неё постоянно набивался песок и мелкие камешки, из-за которых ремешки беспощадно натирали кожу. Поначалу она терпела, затем стала прихрамывать, а потом каждый шаг начал причинять ей невыносимую муку. В конце концов, Герика тихо всхлипнула и остановилась. Тайлин склонилась к её ногам и ахнула:

– Да у неё все до крови стерто!

– Мужчины! – презрительно фыркнула Зелия и направилась вслед за уходящим отрядом. Остальные жрицы усадили Герика на ближайший выступающий из земли камень, сняли с неё сандалии и промыли потертости чистой водой из фляги. Щипало ужасно – у девушки слезы на глаза наворачивались.

– Мелья, тебе нужно было вернуться в храм, – проговорила одна из воительниц, Мира, близкая подруга Зелии. – Почему ты не убежала? Мы бы помешали ему схватить тебя.

Герика опустила глаза и покачала головой.

– Она хотела быть рядом со мной, – объяснила Солан, – потому что боялась за меня. Я просила её остаться, но...

Царевна замолчала, видя, какие взгляды бросают на неё воительницы: как будто именно она была виновата в том, что произошло с Герикой. Как будто все случилось из-за нее, глупой, беспечной, балованной девчонки, вздумавшей поступить так, как обычно не поступают.

«Нет, это не я! Это все мужские игры, в которые не посвящают женщин!»

«Может, именно поэтому в них всегда столько крови...»

Герика заметила обиду в глазах подруги, потянулась было за дощечкой... и обнаружила, что за поясом у неё осталось только стило. Единственное средство для общения с окружающими теперь находилось в руках танарийского царя. Если, конечно, он походя не выбросил ненужную ему вещь.

Жрица вздохнула и уронила голову на руки.

Через некоторое время Зелия вернулась с одним из всадников – кажется, старшим из эквистеров⁴ Искандера.

– Вот, полюбуйтесь, – проговорила она, бесцеремонно указывая на кровавые мозоли Герики и порванные сандалии царевны. – Эти девушки больше не могут идти пешком. У них нет подходящей обуви. Если их состояние хоть немного заботит вашего государя, пусть он выделит им лошадей.

– В отряде нет свободных голов, – ответил всадник.

– А у царевны и мельи нет запасных ног! – огрызнулась Зелия. – Мы не двинемся с места, пока царь не придумает, как быть.

⁴ Эквистеры – конные воины; соответственно, эквистерия – конница.

– Будто других дел у него нет! – проворчал мужчина. Тогда старшая из воительниц демонстративно села на камень рядом с Герикой, сняла обувь и принялась не спеша проверять каждый ремешок. Остальные жрицы последовали её примеру, усевшись кто на траву, кто прямо на землю. Увидев это, танариец возмущенно фыркнул, развернул коня и поскакал догонять уже изрядно удалившееся войско.

– Они же не бросят нас здесь? – робко спросила Солан у Зелии.

– Разумеется, нет, до тех пор, пока ты нужна Искандеру. К тому же скоро стемнеет и царь прикажет ставить шатры. Людям и лошадям нужен отдых.

Царевна закусила губу: ей еще ни разу не приходилось ночевать посреди степи без привычных удобств, соответствующих её положению, и в окружении такого количества мужчин. Хорошо если они будут охранять её сон, а не задумают в темноте пробраться в шатер.

«Надо попросить Герика лечь рядом, – подумала девушка. – А остальные жрицы пусть лягут у входа и сторожат, сменяя друг друга».

Вдалеке послышался протяжный зов походного горна.

– Я же говорила, – усмехнулась Зелия. – Сейчас начнут разжигать костры, а потом придут за нами.

Царь расщедрился лишь на одну лошадь – тягловую, непонятной масти и на вид еще более старую, чем оставленный в храме мерин. Но зато к ней прилагалась небольшая открытая повозка. Правда, свободного места в повозке было совсем мало: все было занято необходимой отрядом провизией, снаряжением и питьевой водой.

– Царевна и жрица пусть сядут с краю, – распорядился возница, сопровождавший груз. – Остальные дойдут пешком.

– И на том спасибо, – буркнула Тайлин, помогая мелье залезть в повозку. Солан кое-как забралась сама. Возница, не дожидаясь, пока они устроятся поудобнее, громко цокнул языком, и конь, опустив голову, поплелся туда, где один за другим вспыхивали походные костры.

Герика молча смотрела перед собой. Боль в ногах постепенно затихла, но девушка чувствовала себя уставшей и разбитой. Великая Тривия, кто мог подумать, что этот день закончится именно так!

Она попыталась обдумать свое положение, но, видимо, от бессилия, мысли её расплывались и путались. О, если бы она могла поделиться с Солан или с Зелией тем, что творилось у неё на душе! После таких разговоров становилось легче, чувства успокаивались, мысли переставали ускользать. Безмолвие же давило на неё с такой силой, что Герике хотелось зарыдать в голос, благо послушание это не запрещало.

«Нет, только не здесь и не сейчас».

Она повернулась и увидела поникшие плечи сидящей рядом царевны. Угораздило же Солан оказаться тем камешком, что срывает лавину событий! Впрочем, Герика на неё не сердилась: на все, как известно, воля Богини. Но если дальнейшая участь Солан была более-менее понятной, как и доля жриц-воительниц, то собственная судьба для Герики оставалась неясной. Словам северянина она, разумеется, не поверила и решила, что он пошутил, желая её припугнуть. Глупец! Она – Посвященная, мелья Великой Тривии, и кроме того...

«О боги, а как же грядущее Посвящение?! Неужели теперь оно будет отложено? Не верится, что несколько лет обучения, полных нелегких обетов и послушаний, прошли совершенно напрасно!»

Герика отогнала пугающую мысль. Чем ценнее награда, тем сложнее посылаемое богами испытание. Посвящение в Высшие жрицы в её возрасте – дело небывалое: в храмах Тривии не было ни одной новой атикайи моложе тридцати лет. Вероятно, Богиня решила проверить свою слишком юную дочь в самых суровых условиях, и бедная Солан, сама того не подозревая, помогла исполнить её волю.

«А если он не шутил?»

Герика с раздражением отмахнулась от размышлений о варваре. Грубый, циничный и наглый тип. Дикарь, что с него взять? Ни стыда, ни совести.

Вот танарийский царь – другое дело. Красивый мужчина. Если бы только глаза не были такими холодными... Жаль, что она ошиблась насчет него: Искандер и Солан были бы хорошей парой. Значит, царь Ангус выбрал для дочери другого жениха. Но кого? Герика не стала перебирать оставшиеся варианты и представлять их рядом с подругой. Это пугало её больше, чем брошенные свысока слова северянина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.